

Лист о.к. АБГ

Периодическое издание союза "Ассоциация литераторов - АБГ" и лито "Молот О.К." (Тбилиси, Грузия) <http://abg-molotok.ge>

Литературные гости Грузии, год 2014

Специальный выпуск

В ВЫПУСКЕ:

Настасья МИЛЕВСКАЯ
(Украина)

Алексей ЦВЕТКОВ
(США)

Алина ТАЛЫБОВА
Саида СУБХИ
Эмилия АБДУЛЛАЕВА
(Азербайджан)

УМКА (Анна ГЕРАСИМОВА)
Борис КАНУННИКОВ
Андрей ТАЮШЕВ
(Россия)

Вячеслав АХУНОВ
(Узбекистан)

Анаит ТАТЕВОСЯН
(Армения)

Евгения КОРОБКОВА
(Россия)

18 мая в Центре культурных отношений «Кавказский дом» прошла презентация стихотворного сборника «PSI»*, построенная, как авторский моноспектакль.

Представила его гостя из Украины Настасья Милевская, автор пьес, стихов, прозы, актриса Харьковского молодёжного театра НЮАУ им. Ярослава Мудрого (спектакли: «Ужин с дураком», «Падший Ангел») и Молодёжного театра НТУ «ХПИ» (спектакли: «Слабая», «Ускоряя мечту»).

*PSI (в парапсихологии) – сверхъестественные способности людей.

Настасья МИЛЕВСКАЯ (Украина)

К.

Я тебя везде ношу с собой,
По улочкам, по храмам, по квартирам,
Огонь неотделимый от факира,
От моря неотъемлемый прибор.

Я тебя везде ношу с собой,
По выставкам, по комнатам, машинам,
Ты неподдельно стал со мной единым,
Как с волчьей грудью неразрывен вой.

Я тебя везде с собой беру,
В любую осень и в любое лето,
Меня лупил измазанным штиблетом
Подонки-случай – не пробил дыру.

Тебя не выбил, видно, не по силам,
Трусливо прыгал у моей двери,
А я тебя несу в себе, внутри,
И я тебя всегда с собой носила.

Я тебя везде с собой беру,
В мой каждый вечер, день и даже в кому,
И как же я хочу услышать дома,
Как ты колотишь кофе по утру.

Авторы представлены
в порядке их пребывания
в Грузии.

* * *

Такой туман, хоть ложкою черпай,
 Такое небо, что вставить трубочку,
 И выпить его, как целебный чай,
 Или закинуть туда удочку,

И выловить звёзд полтора ведра,
 Я звёздами с самого детства бредила,
 Сегодня я видела чудо с утра,
 И чудо меня тоже заметило.

* * *

На набережной прыгают за хлебом
 Голодные коричневые утки,
 Купи меня за облако, а, небо?
 Сегодня я, ей-богу, проститутка,

Купи меня за радостные вести,
 На пять необязующих минуток,
 Сегодня я с себя сняла свой крестик,
 Сегодня я от сердца проститутка,

Купи меня за 30 граммов лоска,
 За половину доброго поступка,
 Сегодня я в вечернем и с причёской,
 Сегодня я с изыском проститутка,

Купи меня за два удара грома,
 Но надо так... наверняка чтоб мне бы,
 А я возьму с собой бутылку рома,
 И буду жить с тобою вместе, небо,

Сегодня к югу улетают утки,
 До посиненья стало холоднее,
 Я здесь одна, к тому же проститутка,
 Я жду на пирсе. Забирай скорее.

* * *

Мне не больно – стреляй –
 Я железная,
 Я спартански подкреплена,
 Даже кровь серебристо-пресная,
 Хирургически извлечена
 Горе-душа больная,
 Я кобальтовая,
 Я стальная.
 Я прочней десяти металлов
 Твёрдости сильной самой,
 Нервы полностью из тантала
 И глаза за титановой рамой,
 Ты стреляй в меня, друг, спокойно,
 Моё сердце тех пуль не заметит,
 Я до клеточки бронбойна,
 Но от меня рикошетит....

* * *

Пап, разбуди меня рано, папа,
 Скажи мне, что всё в снегу,
 Скажи мне, что зайца с пятном на лапе
 Увидел на берегу.

Пап, расскажи мне, как тают кометы,
 Что на крышу не упадут,
 И как в зоопарке когда-то летом
 Меня испугал верблюд.

Пап, расскажи всё, что видел, папа,
 Поведай, как Чайльд-Гарольд,
 А помнишь, я слушала Фрэнка Заппу,
 И ты мне давал Pink Floyd,

А помнишь, учил, что главное - вера -
 В себя и своим словам,
 И как мы стреляли из револьвера
 По уличным фонарям.

Глянь, вот только что дождь прокапал,
 Ещё будет такая весна!!!

Пап, а давай, чтоб подольше, папа,
 А давай, чтобы вечно, па...

* * *

Ты шептал в воротник:
 «Помолись, помолись,
 Свет включи...
 Нам темно...
 Заблудились...»

В тебя город проник,
 В нем все окна зажглись
 И из глаз твоих засветились.

Я молилась, родной, я молилась.

* * *

Иссохла – нужно попить...
 За звездой иду... за иглой...
 Умереть нельзя жить
 Я думаю над запятой...

* * *

Ты набрался греха
 На душу,
 Закопал всю меня
 Заживо,
 Я дышу под землёй,
 Надо же,
 А вокруг не черно -
 Оранжево,
 Я и здесь, под землёй
 Сильная,
 Ваши слышу шаги
 Бренные,
 И пустоту мою
 Могильную
 Обрастают цветы
 Совершенные,
 По утрам мне поют
 Ласточки,
 Я разжала кулак
 Полностью,
 Я горела в тебе
 Лампочкой,
 А теперь ты с пустой
 Полостью.
 Ты меня закопал
 С ловкостью,
 Откопать тяжелей -
 Руки жжёт,
 Я останусь здесь жить

С лёгкостью,
Здесь хотя бы никто
Не лжёт.

* * *

Не смотри в меня, чёрт, не сломишь,
Не заставишь с облака спрыгнуть,
У меня есть душа всего лишь,
А меня не согнуть – не выгнуть.

И не нужно дарить мне страсти,
С пышным любвеобильным уклоном,
У меня на твои напасти
У кровати стоит икона.

Не тяни меня в горькую сажу,
Не подкидывай пряных ядов,
И сама я тебя измажу
Грязью баров твоих и адов.

Не смотри в меня, чёрный, не надо,
Не пиши мне неграмотно «Здрате»,
Я тебе в своём доме не рада,
Всё. Я перехожу на счастье!

* * *

Лживы, говорят, люди, – плохи,
Не богоподобные какие-то,
А души их и вздохи
Из железа Гермесом вылиты,

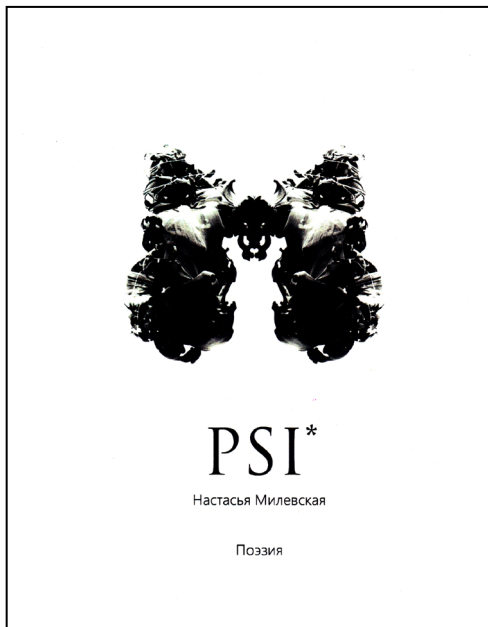
Бедны, говорят, люди – брошены,
Глаза в глаза не смотрящие,
А в руки их, нервно дрожащие,
Ареем по пуле вложено.

Говорят, человек злится...
А вот недавно на выселках
Парень ведро пшеницы
Вынес и птицам высыпал.

САМОВОЛЬНОСТЬ

О поэтическом сборнике «PSI», Настасья Милевской (Издательство «Финарт», Харьков, 2014)

В разговорах с пространством, – в мареве которого проступают чьи-то маски и лица, мерещатся люди, обозначаются злые и добрые поступки, водятся черти с душегубами, встречаются мужики и мужчины, любовники и любимые, друзья и предатели; где сквозь туман сигаретного дыма видны звезды, а сквозь сон опьянения слышна мольба, – в расширенной страстью и болью, стремлениями и преградами, упорством и упрямством душе ищет автор себя и утверждает свой непростой, непостоянный мир, в котором что-то рушится и вновь восстанавливается. Представьте себе нервную, задиристую улитку, желающую покрыть своим небольшим телом наибольшую площадь, а крошечным передвижением – наибольшие просторы, которая, подчиняясь инстинкту, при малейшем уколе со стороны, сворачивается, но, преодолевая то ли боль, то ли страх, то ли сам инстинкт, разворачивается снова. И почти непрерывно, «сама из себя выбегая», в голос кричит и взывает то «погибаю», то «обижайте меня!», то «хочется жить», то «не шу-ми-те!», то «я до клеточки бронебойна» и снова – погибая «медленно, медленно...» Просьбы, жалобы и стихи о неизвестности, потерянности, ненужности, вправленные в женскую природную слабость, как муравьи из муравейника, непрерывную нитью исходят из уст ропщущего просителя-поэта, звучат то умоляюще, то жестко, то пылью рассыпаются, то с силой срываются над «безнебным этим веком» и, заглушенные бесчеловечным, «страшным шумом», либо застывают в предвидении смерти, либо ввергают в одиночество среди хамелеонов и вьюг, либо превращаются в безразличие и презрение почти ко всему живому. Но вслед за упадком стихийность человеческой природы выбивает наружу источники жизни: и рассвет над городом или чистый снег в окне обновляют душевные силы, и грядет спасительность весны, растут подсолнухи, жужжат пчелы, растут и жужжат надежды. И, закрыв глаза на собственные трудности, полностью обожженная чьими-то дурными действиями героиня отвечает на них поцелуем. И тогда расколотость бытия, порой огульно резавшая вены, уже не так растравливает

сердце, отводит руку от острия и насылает феноменально дивный мир, в переплетениях которого, вдруг, чудо замечает человека, то чудо, что сам он увидел. Чудес-то, смотрящих на нас живыми глазницами, быть может, великое множество, но потребны только те из них, которые мы сами заметили. Именно в таких сочетаниях бытие человеком становится гармоничным, уравновешенным и «целебным». Тогда не нужно ни резанья вен, ни тяжести облаков табачного дыма, ни алкоголя, ибо чудо из чудес – самость человека – становится зримым. Однако далее в свои права вступает парадоксальность, и, как только чудесность отразилась в глазах, легко их смежив, обращенные внутрь, они видят невыносимую тяжесть этой легкости-самости, неумолимое беспокойство из-за ее присутствия и «сотни бессонниц и гул», приводящие к порогу безумия. И ситуация, в которой, с одной стороны, «все не мое», а с другой – «меня не найдут», то есть пограничная ситуация, повторяется снова.

И снова, как рыба об лед, с иссекшейся душой, бьется «я» героини о каменный вопрос: как относиться к жизни, когда человек, будучи бытийно свободным, угнетен в своем положении?! В исканиях ответа и ведутся подверженные эмоциональным срывам разговоры с маревым пространством, содержащим захватывающие сцены борения жизнелюбия человека с волнением и негодованием женщины: летят во все стороны осколки чувств, летят протесты жить в пошлом мире, «быть третьей в списке», отстаиваются свои права и признаки, слышатся горечь, обида и разочарование, упреки в трусости и невнимательности, раздаются кличи к любви, к вере, к силе, к горению, прокатываются угрозы сойти с ума и умереть... Впрочем, опять-таки, «боль не бывает бессменной», за нею следует надежда, правда, «беспредельно растянутая», – что тоже не в угоду человеку. Тем не менее, хотя конфликт с людьми продолжается, отчаяние приостанавливается.

Все это звучит не всегда здраво в стихах поэтессы, но всегда – по-женски обоснованно. Иногда только складывается впечатление, что в постоянном ожидании «лучшего дня» и, стало быть, в постоянном неудовольствии от дня сегодняшнего лирическая героиня намеренно делает себя отверженной, сама обуславливает некое состояние фрустрации. Например, в своих любовных перипетиях, не желая разлуки, не желая давать «дани поездам и чужим городам», подспудно и невольно сама подготавливает разрыв, а разговоры о поцелуях и тепле тел, кажется, ведутся для того, чтобы тем острее и крепче расстаться. Получается,

живя в своем экзальтированно-телесном мире, она сама себя карает, сама себя милует, сама себя казнит, и душа расходится еще больше, становится еще более рьяной, норовистой и уязвимой.

Отсюда и берут начало метания от печали к радости, от проблесков к потемкам, когда «без толку что-то искать», а также от безразличия и высокомерия к другим (другие – это «какие-то разные люди»), до умения быть благодарной им, даже до готовности умереть, только бы они научились любить, понимать и вовремя выручать друг друга. Но непредсказуемость жизни, не всегда играющая в пользу человека-художника, созданного для общения и дружбы, зачастую вынуждает его отворачиваться от мира и обращаться к ощущениям детства как вместилища человеческого в человеке, пребывать в пещерах в ожидании руки помощи и искать одиночества, одновременно отдавая себе отчет в неестественности всех этих – одиночества, ущемленности, покинутости – положений.

Именно в такие моменты возникает алчно-неможное побуждение проклясть весну, проклясть ее «дважды». И именно в этой импульсивной трансцендентальной среде автор ищет свое человеческое и творческое «я». Но «я» не простое, а вечно изменяющееся, отклоняющееся, нервное, задиристое, одним словом, самовольное.

И как раз в силу этих отклонений и нервностей, правильнее говорить не о лирической героине, а о лирических типажах, чем-то обремененных и травмированных, между которыми и распределены основные сюжетные и эмоциональные мотивы. Не все они – типажи, – оригинальны в своей охудожествленной натуре, но в каждого вложен его характерный – то стенический, то астенический – манифест души.

Теперь о недостатках и достоинствах авторского искусства стиха.

Необходимо быть наделенным немалым самообладанием и технической сноровкой либо высоким талантом, чтобы из сумбурной неоднозначности своего внутреннего мира извлекать стихи связные и стройные. Признаться, выступление и собственное чтение Настасьи очаровывает несоизмеримо больше, чем чтение тех же произведений в печатном виде. Но ведь, все-таки, стихи должны более читаться, чем смотреться. И поэту должно быть прежде всего гласным, нежели оглашающим.

Множество стихов написано инстинктивно. Когда стесненный дух поэтессы, бунтуя против давления извне, защищает свои ценности, он доходит до того, что «теряет в себе человека», – в этот момент и пробуждается присущий ему некий художнический

инстинкт, выталкивающий зачастую не обработанную глыбу стиха. Вот, наверное, почему рифмы в нем не всегда оригинальные, ритмы часто неровные, сбивчивые, строки шероховатые. Вот почему мне кажется, что Настасья – актер, который удачно исполняет роль поэта, впрочем, с явным потенциалом для реализации сущности последнего.

Но, разумеется, во всей этой интенсивной словесности, во всей, местами несколько прискучивающей (ибо часты повторы) тематике эмоционально-физического надрыва есть в сборнике «PSI», который, к слову сказать, был бы несравненно интереснее, будь он втрое меньше, своя особенность. Она состоит в том, что, несмотря на неприятие, с одной стороны, изнутри зарящегося на человека-художника сумасшествия, – где «холод и тюрьма», – а с другой, – здешнего мира, где «любовь – да не та, люди – да не те», несмотря на то, что приходится жить, неослабно сжимая кулак, – присутствует в поэтической проповеди автора мысль о рае, о человеческой благодатности, которая есть «мост», «поводырь», раскрытая ладонь, сводящая разноразной настроений на нет, – одновременно умиротворяющая и дерзновенная, очерчивающая и соединяющая противоположности крохотная мысль об исходной точке существования.

И, без всякого сомнения, все стихи искренни. В каждом есть чувств узелок... Когда же картина дается обобщенно, без прямого вплетения собственных эмоций, получаются отличные стихотворные строфы, заостренные к читателю. Например, «Есть люди, о которых ничего не скажешь...», замечателен взвешенностью и благой мыслью; или – «Ты набрался греха...», – напоминающий фольклорный, проникновенный напев о загробной жизни. И во многих других стихах встречаются звонкие строчки, вступления, или концовки, однако общая связующая материя во многих местах остается придушенной и темной. Между тем, подобно солнечному блику, неожиданно сверкнет в стихе что-то близкое и узнаваемое и перенесет в область воспоминаний и воображения. Это блестит простота, то, что не истомлено, не искажено ни сигаретами, ни алкоголем, ни бредом. Это гладкая поверхность той самой, данной свыше каждому, человеческой благодатности, которую автор ставит целью открыть читателю.

Николай ЛОМИДЗЕ

Фестиваль

«ЦИСАРТКЕЛА. ЮНОСТЬ ПОЭЗИИ»

С 25 июня по 4 июля 2014 года в Грузии прошел первый Международный фестиваль «Цисарткела (Радуга). Юность поэзии». В фестивале приняли участие более пятидесяти юных авторов из 9-ти стран – Азербайджана, Армении, Беларуси, Грузии, Литвы, Польши, России, Украины, Эстонии. Стихи и лирические отрывки о фестивале и Грузии его участников и кураторов на языках оригиналов – армянском, белорусском, украинском, эстонском, литовском, грузинском, английском, а так же в переводах на русский вошли в итоговый сборник фестиваля «Поэзия – территория любви», изданный организаторами фестиваля.

«Если придерживаться строгой хронологии, то Международный поэтический фестиваль «Цисарткела. Юность поэзии» – уже седьмой по счету, организованный и проведенный Союзом «Русский клуб» при неизменной поддержке Международного благотворительного фонда «КАРТУ». Но в то же самое время он – первый во всех отношениях. Никогда, ни разу на территории постсоветского пространства, да, пожалуй, и в мире, не проводился столь масштабный фестиваль специально для талантливых подростков, пишущих стихи. Конкурсы, встречи начинающих литераторов с мастерами слова в рамках «взрослых» фестивалей, театрально-поэтические мероприятия – да, такое бывало. Но праздник поэзии исключительно для юных поэтов, в котором именно они являются главными действующими лицами и исполнителями – это впервые» – пишет во вступлении к итоговому сборнику фестиваля руководитель проекта президент Союза «Русский клуб» Николай СВЕНТИЦКИЙ.

Алексей ЦВЕТКОВ (США)

Алексей Петрович Цветков, являясь одним из несомненных лидеров текущего литературного процесса, в представлении не нуждается. Но, все же, упомянем, что это Алексей Цветков «старший», а, кроме того, можно повторить, что он один из основных фигурантов легендарной уже группы «Московское время», лауреат премии Андрея Белого (2007) и Русской премии (2011), доктор филологии, защитившийся в США, а еще прозаик, эссеист, критик и переводчик, в том числе, Шекспира. Творческий вечер Алексея Цветкова прошел в Доме Писателей Грузии.

ПИСЬМО В КАПСУЛЕ

от истории слегка подустали
больно много ее здесь нехорошей
грех не хвататься пустыми местами
нашим ягелем густым и порошей

и еще у нас под россыпью млечной
выйдешь во поле деньком непогожим
до хрена в нем мерзлоты этой вечной
экспортируем в саванны как можем

раз в году восходит солнышко ало
ночь над миром приподнимет покровы
что с того что разных фиников мало
вон ботвы невпроворот и половы

а какие ежегодно закаты
тучей лемминги сбегаются в пойму
и еще мы тут песцами богаты
впрочем может через з я не помню

масса планов и задумок на завтра
обустроить остальную планету
по заветам одного динозавра
звали вовой но давно его нету

свежий гравий в закрома заложили
густо сеяли навоз но не всхоже
хорошо что мы начальники жизни
худо-бедно а ведь мамонты все же

ДОМ

сто лет тому кудрявей и добрей
я поселился в необъятном доме
с двустворчатый обилием дверей
незапертых одной последней кроме
с верандой ниспадающей в сады
к весеннему протянутые грому
где ивы у немолкнувшей воды
полуденную наводили дрему
по светлым коридорам наугад
я пробирался без конца и края

из множества покоев и палат
любые для ночлега выбирая
совсем забыв что есть еще одна
без выхода насквозь и без окна

в иных порой маячили жильцы
я притворялся что не замечаю
но по утрам в подпалинах пылицы
сновали пчелы над вареньем к чаю
в саду осенний вспархивал дымок
поленицы у стен и детский топот
но постепенно стало мне вдомек
что вдвое меньше и дверей и комнат
как будто дом со стороны реки
в гармошку смяло вместе с ветхим садом
а в зеркалах все чаще старики
нечеловеческим встречали взглядом
все створки пропадая за спиной
как бы теснили к запертой одной

я отирал испарину со лба
упорствуя что с нервами в порядке
покуда не застигла вдруг судьба
как обморок с рукой на рукоятке
с ключом в другой и скважина как раз
откуда в ночь сочилась боль немая
и я вошел не открывая глаз
всю обстановку телом понимая
вот полоса раскосая бела
впотымах клинком из-за спины так близко
ты за столом которая была
и на столе тогдашняя записка
в последнем сне все заново опять
как пролитая кровь назад по вене
так вот где время станем коротать
которое здесь подлежит отмене
как судорожно стрелки ни крути
и ключ в руке но нет дверей уйти

* * *

прочь полярная медведица
золотое решето
если сверху но не светится
это небо или что

лабиринтами холодными
взгляд струится бестолков
жизнь застроили колоннами
настелили потолок

а когда мы были дикими
помнишь мир едва возник
осыпались звезды льдинками
на подставленный язык

жестяные в кадках веники
электрический азарт
зря мы в небо не поверили
а в железо и базальт

с кабелями в бездну гибкими
черной фабрики огней

с человеческими рыбками
замурованными в ней

* * *

найти другой язык писать на нем
сочащемся сквозь пиксели огнем

сбивающем в свой плазменный комок
все что вчерашний выразить не мог

все флексии глагола проглотив
впасть в неспрягаемый инфинитив

для жизни в измерении другом
чем три осточертавшие кругом

от стойки в ночь шагнуть навеселе
внутри тебя стекло и ты в стекле

раз выговориться неумогу
уже без прежних падежей во рту

в преображенном космосе где из-
под верха с визгом вытащили низ

и только мысль последняя тверда
что ты теперь не тот кем был тогда

ОНИ

они вертели чью-то голову
и я словесному ручью
как птичьему внимая гомону
сообразить пытался чью

в окне мелькали пихты в инее
пока я в тамбуре курил
ища отрубленному имени
егор он был или кирилл

огнями пролетали станции
ангарный высился портал
где я один в купе со старцами
ночным составом грохотал

проводники в угоду голоду
несли нам чая и халвы
и до утра вертели голову
словоохотливо волхвы

один вообще в защитном кителе
ей веки поддевал перстом
как будто первый раз увидели
всю правду в ужасе простом

* * *

допустим я видел полет стрекозы
с плацдарма бузинного к вязу
и прожитой жизни скупые азы
она мне напомнила сразу

сама из витражного в жилках стекла
хоть родом вполне из болота
слепое пространство собой расскла
как дерзкий малек вертолета

с тех пор как мой ум в алкоголе намок
здоровье подвержено сглазу
повсюду мерещится смысл и намек
на все обстоятельства сразу

и если прообраз дракона она
что в церкви угробил егорий
то мутных метафор вскипает волна
расхожий набор аллегорий

соблазн завести разговор о другом
с тех пор тяготееет над нами
как мы побоялись предметы кругом
своими назвать именами

оставим стрекозам осанку и класс
и весь на поверку дурак ты
имея взамен ее тысячи глаз
унылые две катаракты

ЗЕМЛЕПРОХОДЕЦ

неважно живи он в москве хоть
другие подставь города
внезапно он хочет уехать
как будто он знает куда

полна соблазнительных знаков
природа безоблачным днем
но к старости мир одинаков
и все одинаково в нем

америке или россии
отдать предпочтенье и честь
у света сторон-то от силы
четыре ну максимум шесть

которая больше по нраву
где пищу обрящет и кров
сквозь мутных диоптрий оправу
он смотрит на розу ветров

направо живут бегемоты
налево песцы и моржи
туда где не сыщешь его ты
отчалит и только держи

торосы на солнце лоснятся
хребты до небесных стропил
а может он хочет остаться
но просто об этом забыл

поскольку печально и сыро
торчать из последних одним
в порочном предсердии мира
который состарился с ним

В июле в Доме писателей Грузии прошел совместный с Ассоциацией АБГ и лито Молот ОК творческий вечер молодых авторов из Баку Эмили Абдуллаевой, Саиды Субхи и их коллеги и наставника Алины Талыбовой.

Алина ТАЛЫБОВА (Азербайджан)

Алина Талыбова – поэт, переводчик, журналист, педагог английского языка. Член Союза Писателей, Международного Литературного Фонда и Союза Журналистов Азербайджана. Завотделом поэзии журнала «Литературный Азербайджан». Руководитель молодежной студии «Альтер Эго» при Республиканском обществе «Содружество». Участник Открытого фестиваля поэзии в Ташкенте (2005), а также четырех Международных поэтических фестивалей в Грузии (2010 – 2014). Призер конкурса «Согласование времен» (Германия, 2009), победитель Второго Международного конкурса поэтических переводов с тюркских языков «Аль Торан» (Уфа, 2012). Публикуется в различных зарубежных изданиях и альманахах: «Интерпоэзия» (США), «Зарубежные записки» (Германия), «Звезда Востока», «Малый Шелковый путь», «Арк» и др. Автор трех сборников стихов и переводов: «99-й год» (2000), «Притяжение небес» (2005), «Московская баллада» (2010).

БОЛЬШАЯ ПРОГУЛКА

Он собрался сегодня спуститься в Город. Закупки сделать и так, вообще. Собственно говоря, ему никакие закупки нужны не были, но ему нравилось придавать этим своим походам такой вот, чисто житейский, смысл. (Никогда не ведавший свинцовой тяжести слова «надо», он забавлялся с ним, как кошка с обрывком газеты, и не понимал, почему от этого короткого слова так темнели глаза и сутулились плечи жителей Города.)

Кроме того, время от времени он, действительно, возвращался не с пустыми руками: в прошлый раз, например, увел из модного магазина яркий постер с портретом какой-то эстрадной дивы. Теперь он (портрет) висел на соседней скале, потихоньку выцветая и покрываясь разводами от влажных ветров и солоноватых дождей.

Спускаясь, как по неровным ступенькам, по невысоким горам, обступившим Город, Он старался не оступиться и не угодить в одно из ржавых озер, застоявшихся в каменных складках, как это было с ним в прошлый раз. Тогда пришлось весь день слоняться по Городу в ледяном носке и промокших до колена брюках. (Хотя опять же, собственно говоря, никаких коленей у него никогда не было, не говоря уже о носках и брюках.)

Город лежал в низине, укрытый туманом по самые кончики антенн. Нырнув в этот туман, как в подземный переход, Он выбрался сразу на одну из центральных улиц возле массивного, старой

постройки кинотеатра с грязновато-белыми, словно вылепленными из этого же тумана, статуями в нишах.

Он постоял, передернул плечами. Дождь усиливался. В залитых водой витринах мерзли манекены, нелепые в своих сквозных летних платьицах и откровенных купальничках. «Какой холодный месяц май!..» – громко сказал кто-то прямо у него над ухом, и он резко обернулся и только тогда понял, что голос был – его собственный: он просто подумал вслух. А может, это и не он сказал – в воздухе носились обрывки ненаписанных стихов, накладываясь друг на друга, как радиостанции в эфире.

Еще пару шагов – и вот он уже стоял на оживленном перекрестке. Перекресток морской звездой шевелился у его ног, отсвечивая мокрой чешуей асфальта. Мимо с ревом неслись машины, демонстрируя полное презрение к старенькому, полусумасшедшему светофору, суетящемуся посередине их разноцветного стада.

Он постоял, подумал... Больше всего он любил именно эти минуты, когда Город лежал перед ним – не познанный, как женщина, широко разбросав руки улиц.

Станный это был Город – одновременно азиатский и европейский, столичный и провинциальный, захватывающий, как детективный роман, и скучный, как один из его бесконечных заборов. Город аристократических подъездов и неподражаемых мусорок... Словом, это был город-перекресток, город-коктейль, город-ассорти. А еще это был город памятников. Не смешиваясь с жителями Города, они все-таки были его полноправными гражданами: рождались, получали прописку, иногда переезжали в другие районы, старели, жаловались на погоду... Переживали помпезные юбилеи и десятилетия забвения – в общем, жили той же самой жизнью, какую вели еще до того, как стали памятниками.

Политики держались в стороне. Поэты сходились по ночам в небольшом патриархальном скверике напротив грубо обтесанного дома, который в Городе так и звали – Дом. Оседлав каменные скамейки, они часами читали друг другу свои и чужие стихи и, несмотря на разницу в возрасте, доходившую иногда аж до тысячи лет, отлично понимали друг друга, еще раз подтверждая, что время – вещь столь же относительная, сколь и абсолютная. Луна заливала обращенные к ней лица из красноватого гранита и серого песчаника... И по всему Городу торчали пустые постаменты, обрызганные звездной пеной из соседних фонтанов – как утесы, встающие из черной, тяжело-волнующейся воды полуночи. (Хорошо еще, что этой фантазмагии никто не видел – жители Города в массе своей вели правильный образ жизни и в это время обычно

уже спали за плотно задернутыми шторами или, в крайнем случае, стелили постели под всполохи затухающих телевизоров.)

В последнее время Город бурно перестраивался. Он не одобрял этого, во-первых, потому, что, имея за плечами не одну вечность, был законченным консерватором, а во-вторых... во-вторых, он просто любил старый Город, где каждый из домов имел свою особенную физиономию, неповторимую любой своей морщиной. Сегодня в столетних домах располагались вполне современные учреждения, жили совсем другие люди. Но наступал вечер, учрежденцы расходились по домам и сквозь все позднейшие наслоения, все побелки, ремонты – всё явственнее проступал прибой из шорохов и шепотов прошедших здесь жизнью. Прибой этот и днем не замолкал – просто отступал в стены под натиском телефонных звонков, гудения факсов, прищелкивания ксероксов. Но ночью – ночью невидимое море подходило совсем близко, и прибой начинал звучать в полную силу, вырастая в величественный хорал по тем, давно отжитым, дням и ночам. Само собой, это не шло ни в какое сравнение с вылизанной белизной офисов новейшего времени, абсолютно стерильной от каких бы то ни было воспоминаний и ассоциаций. Вот и сейчас – задумавшись, он задел локтем полустертую, истончившуюся на ветру железную вывеску, и она, закрутившись на проржавевших цепях, очнулась и заворковала ему вслед на смутном, картавом, упоительно-иностранным языке: «Плиссе, гофре, кордонэ...» И это было, как пароль в тот мир – мир звучных, как клавиши рояли, мраморных ступеней, каменных химер, деревянных галерей и винтовых лестниц, штопором вкручивающихся в южное небо. И этот мир, это прошлое скользило легкой женской походкой, задевало его на ходу рукавом, оборачивалось, смеялось... «Плиссе, гофре, кордонэ...» И из всего этого: из стукнувшей на рассвете двери, из женского силуэта на озаренных занавесках, из оброненной гвоздики, как из кусочков мозаики, складывалась великая панорама жизни – не той, ограниченной бо-ю, а если повезет – 70-ю годами, а – Жизни вообще, той, которая была всегда, всегда есть и будет происходить вовеки, даже когда пройдет – как у Брэдбери – тысяча миллионов лет.

...Но настоящими хозяевами Города были ветры. Их было четыре брата, выросших на одной из тех узких, вознесенных к небу улиц Города, которые покрыли себя неувядающей, но, увы, темной славой. Оттуда эти братцы и скатывались каждое утро в Город. Отличаясь все, как на подбор, бешеным темпераментом, они устраивали поножовщину на перекрестках, рвали в клочья аккуратно припиленные к небу облака, со свистом и топотом

гоняли сизые газетные стаи и морочили глупенькие женские юбки.

Сегодня, слава богу, трое из них отдыхали, и только один развлекался тем, что с размаху вышибал из скверов целые пригоршни листвы – как фишки из игральные автоматов.

На углу ссорились влюбленные. Он постоял немного, посмотрел, как выступавшие на губах слова тут же сносило ветром в сторону, на напряженные лица, обращенные друг к другу. Разборки между полами были ему непонятны. Сам он не был ни мужчиной, ни женщиной (все это время мы называли его «он» только для того, чтобы не влезать в грамматические джунгли, склоняя малоупотребительное «оно»). По его мнению, разделившись когда-то на женщин и мужчин, люди совершили самую большую глупость, которую только можно было изобрести в их, и без того запутанной, жизни. Ничего хорошего из этого разделения не вышло – сплошная головная боль, и только.

Ну, конечно, потом они окружили все это романтическим гарниром из старых добрых книг, итальянских фильмов и сентиментальных мелодий. Но суть от этого не изменилась – головная боль, и только. Влюбленные вели себя, как дети, играющие в заговорщиков: они старательно прятали глаза, выбирали укромные местечки для своих встреч, говорили на специально изобретенном, понятном только им языке. Но все равно их легко было опознать в толпе – от них исходило теплое голубоватое свечение. Потом, по мере того, как уходила любовь, эта аура меркла, истончалась и исчезала совсем.

...Теперь он шел по оживленной улице, широкой асфальтовой рекой устремлявшейся куда-то вниз. Он всегда ходил по ней – сколько помнил себя в Городе. Он шел мимо деревьев, уходящих корнями в позапрошлый век, мимо стрельчатых окон, мимо книжных столиков, выставленных на тротуар. (В ассортименте столиков, как в зеркале, отражались эпохи, проносящиеся над Улицей. Лицо текущего десятилетия определяли компьютерные справочники, криминальные саги и гороскопы.) Он шел мимо мемориальных досок и неподвластных времени торговцев семечками... Львиные морды на фасаде Академии, чуя его, рычали вслед. Он на ходу делал им пренебрежительно ручкой – что могут одни морды без всего остального?.. Назло им срывал каменную розу или виноградину с потемневшей лепнины академических стен. Внизу обнаруживалось, что Улица устремлялась не просто так, а впадала в озерцо маленькой площади. А еще площадь напоминала круглый камешек, вставленный в плоское кольцо крепостных стен. (Между прочим, у Города была собственная

Крепость, чем он немало гордился.) Сверху Крепость была похожа на макет, который он как-то видел в комнате у одного архитектора. Архитектор ходил по комнате, шурился, курил, трогал игрушечные зубцы и переставлял крошечные фигурки под крошечными арками с сосредоточенным видом Господа Бога, вносящего последние поправки в новенькое мироздание. Он тогда только фыркнул и убрался в форточку. Но после того дня, зависая над Крепостью, он часто представлял, что это он сам - слоняется по тесной комнатке, плюхается на плюшевый диван... И это он рывком вставал, подходил к столу, трогал почерневшие зубцы, переставлял яркие игрушечные машинки под арками (вернувшиеся владельцы, не находя машин там, где они их оставили, на все лады ругали автодорожную инспекцию) и – курил, курил... Вот и сейчас, заложив два-три виража над площадью, он уселся между зубцами, поболтал ногой над низкой аркой... Отсюда уже рукой подать было до Сада. Самого Сада давно уже не было, но он, Дух, мог по желанию воссоздавать ушедшую реальность – надо было только ненадолго прикрыть глаза и сосредоточиться. И вот уже – была зима, и Город, мечущийся в предновогодней лихорадке. Воздух, клубившийся над совершенно сухими тротуарами, пах снегом, мандариновыми корками и копченой рыбой из большого магазина по соседству с Садам. (Витрины всех близлежащих магазинов уже за неделю были разрисованы добродушными красноносими Дедами и пышноносими блондинками.) И Сад стоял на своем месте, и за чугунной оградой пальмы тяжело переминались на распухших ногах, и красные автоматы плевались несладкой газировкой. И крутилась несуществующая (а может, и небывшая никогда) карусель с волоокими оленями и белыми сахарными лошадками, оглушительным звонком и расписной шатровой крышей. На ней ехали трехлетний поэт (пока без постаментов) и кудрявый четырехлетний премьер-министр (пока без портфеля). В эти дни весь Город, возбужденный, блестя глазами, носился в поисках подарков. Гудели улы универмагов, бойко торговали уличные ларьки. Он искал глазами: где-то здесь, наискосок от Сада, должен был быть крохотный ювелирный магазинчик – три ступеньки вели в таинственный сумрак полуподвала, в котором глазами фантастических зверей горели гранаты и изумруды. Там, направо от входа, в один из таких же вот предпраздничных дней стояла молодая женщина лет тридцати и смотрела на фантастически дорогие бусы из крупного, грубо обработанного янтаря. Странное лицо

– он до сих пор не мог его забыть. Смотрела, как смотрят на разлетающиеся по ветру клочки писем, на корчащуюся в пламени фотографию, как смотрят вслед уходящей, как поезд, жизни... И янтарные всполохи от пронсящих вагонных окон играли на лице. И длилась, длилась эта нехолодная бесснежная зима.

Он закрывал глаза, сосредоточивался. И вдруг – безо всякого перехода – на Город обрушивалось лето. И был поздний летний вечер, и Город источал тепло изо всех своих каменных пор. Он переносился в старый Двор – один из сотен подобных дворов-бусин, соскользнувших с нитки и завалившихся за пазуху Города. Посреди Двора неколебимо стояла пожарная лестница – основательно обглоданная, а все-таки пока недоеденная временем. Он устраивался между двумя разогретыми перекладинами – повыше и подальше от мальчишек, виснувших на лестнице гроздьями макак. (Неизменно присутствуя в их ежедневных открытиях дворового материка, лестница скрипела в ветре, как грот-мачта, уходящая в колумбово небо.)

Он сидел, отдыхал, смотрел в гаснущее небо. Под ним черной пышущей сковородкой лежала крыша первого этажа, залитая киром. На нее сыпались разноцветные искры кошек, после всех дневных шатаний неизменно возвращавшихся вечером во Двор. Обжигаясь на горячем кире, кошки вздрагивали, дули на лапы...

Во Дворе женщины укладывали детей, а мужчины играли в нарды. Он иногда баловался по-мелкому: дул игрокам под руку, путал очки. Из соседнего особняка с готическими окнами доносилась музыка – там в этот час доигрывали поздние свадьбы и, если прислушаться, можно было различить звяканье браслетов на вскинутых в танце женских руках. И выносились раскладушки на еще не остывший асфальт, и закидывались руки за голову, и часами смотрелось в лицо ночному небу, и уже слипались глаза... И созвездие Андромеды проплывало прямо около щеки. Ровный поток разговоров становился глуше, распадался на отдельные струи и, всплеснув еще раз-другой, иссякал совсем. И после бесконечных скрипов, вздохов, бормотаний и покашливаний Двор, наконец, засыпал – как раз тогда, когда с востока в Город уже въезжал триумфатором рассвет, безжалостно поджигая за собой окна еще безмолвных домов.

На старом базаре выносили и раскладывали на лотках тяжелые мокрые связки красных цветов. Ветер был с моря, и казалось, что в воздухе полно чаек. Пора было возвращаться. Соблазненный назойливой рекламой, он хотел, было, прихватить с одной из витрин мобильный телефон, но потом вспомнил, что звонить все равно некуда. Он легко огорчился и тут же забыл об этом.

Поднимаясь, как по неровным ступенькам, по невысоким горам, обступившим Город, он уже не думал о том, что может оступиться и угодить в одно

из ржавых озер, как это было с ним в прошлый раз. Потому что можно было придти к себе, стянуть промокшие носки и брюки и с размаху завалиться в теплое пушистое облако, подтянув колени к самому подбородку... (Впрочем, никаких коленей у него никогда не было, не говоря уже о носках и брюках.) Уже совсем засыпая, он вспомнил, какую классную сеть он подсмотрел вчера у мальчишек во Дворе. Сплетенная из старых веревок, проволоки и прочей дряни, с погрешками, нарезанными из пивных банок в виде вертушек, спиралек и т.п., она была абсолютно бесполезна и абсолютно прекрасна, как и положено настоящим произведениям искусства. Он смутно подумал, что обязательно сделает себе такую же – и тут же уснул. Он спал, и над ущельем, проецируясь на соседнюю скалу, мерцала голографическая копия его сна – в нем

присутствовала та самая классная сеть, которую он подсмотрел вчера у мальчишек во Дворе. В ячеях этой виртуальной сети свистел ветер, позвякивали банки, крутились вертушки. Город остался внизу – странный город, одновременно азиатский и европейский, столичный и провинциальный, захватывающий, как детективный роман, и скучный, как один из его бесконечных заборов... И можно было спускаться в него – как у Брэдбери – тысячу миллионов раз, и каждый раз он будет лежать перед входящим непознанным, как женщина, широко разбросав руки улиц.

...Он вдруг заворочался и беспокойно забормотал во сне. Над Городом гулко отбивали последние минуты уходящего тысячелетия.

СОЛО ДЛЯ КОНТРАБАСА С ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ ЛИЦОМ

Бакинским джазменам

...Контрабасовое соло,
Что почти на грани фола –
Смутно, смачно,
нагло, нежно,
Непреложно, неизбежно
В ткани жанра,
в плоти джаза,
Среди прочих прибабасов,
В складках кружевной рогожи...
С контрабасом мы похожи
Всей нескладицей телесной,
Что содержит гул небесный
Где-то в чреве и гортани,
Балансируя на грани
Лакированную тушей –
На иголочке воздушной...
Балансируя на грани
Задыханья, заиканья,
Фола,
фейка,
китча, жести!..
Скрипки истекают желчью
В контрабасовую спину,
Корчат укусные мины...
(Потому что – недомерки,
Несмотря на сходство метрик.)
Кнут смычка не признавая,
Модератор презирая,
Струн звенящими губами
Он смыкается с руками
Гангстера-контрабасиста –
Загребущи, жадны, быстры,
Клешневидны,
юрки, цепки,
Вен в узлах, и в крупных цыпках
От ветров импровизаций...
(Хор Разъединенных Наций

Славит Господову силу
На мотив контрабасиный...)
– «Лакримоза»?..
Бархат, розы,
Вековые сопли, слезы...
Оприходуем девицу –
Не успеет удивиться!..
Бархат – в ключья!..
Слезы – вдребезг!..
Ей давно пора на нерест...
Вдохновители истерик,
Закрыватели Америк,
Терминаторы аккордов!..
Заплетает шнур бикфордов
Нервы мира –
наши струны.
Вновь поупитр в свежих струпьях
Нот, наструганных из классик.
Ну и что –
что мимо кассы?..
Меж бекаром и бемолем
Жизнь порхает серой молью,
Но – малинов,
зелен,
золот
Фрак безумных дирижеров!..
Ни столицы, ни провинций –
Меж Юпитером и Ниццей
Разогнаться на хайвее,
Вечность – справа,
Бог – левее.
- Слава?..
Мульки,
фишки, феньки!..
Но как хороши колени
Девочки-кариатиды,
Что, застывши в трансе тихом,
Ротик приоткрыв нелепо,
Внемлет струн
и клавиш рэпу...
Вы слепцы, Гомеры критик,

Что признаться не хотите –
Правит раем, адом, джазом
Сонм Великих и Ужасных:
Вот –
рояль в кутюрном фраке
Элегантным вурдалаком.
Барабанщик –
циник грустный
Хлопнет барабан по пузу,
Голому, как у танцовщиц,
Ухнет, языком прицокнет
И пойдет веселым стёбом,
Стеком,
степом,
автостопом
По ушам невинным зала...
И, ссутулившись устало,
Старым негром скаля кнопки
И жуя, как жвачку, ноты,
Саксофон –
старинный кореш,
Контрабасу скорчит рожу...
...А потом, покончив с соло,
Средь кухонного разора
С этим самым саксофоном,
Тихо смывшись от поклонов,
Выпить виски (то есть, водки),
Закусить его селедкой
(То есть, греческой маслинкой)
Или ломтиком невинным
Чуть подвядшего лимона.
Повиниться,
помириться,
На подпевку согласиться...
И, рассыпав все мажоры,
Ткнуться в небо нежилое
Неприкаянной,
тяжелой
Контрабасией головою...

Саида СУБХИ (Азербайджан)

Саида Субхи – «международник» по первому образованию, окончила также магистратуру практической психологии МАУПа (Киев). Стихи ее вошли в сборник «Плеяда Южного Кавказа» (2012), публиковалась в журнале «Литературный Азербайджан» и в другой профильной периодике. Лауреат конкурса «Лучшее стихотворение 2011 года» (Баку) и Первого конкурса молодых русскоязычных поэтов Южного Кавказа (2012).

КИЕВСКАЯ БАЛЛАДА

*«Когда кончается любовь,
То умирает Бог...»*
А. ТАЛЫБОВА

...Конечно, я любила не тебя,
стихами обливаясь, как слезами,
подраненное сердце теребя,
иконостас усеяв образами.

Подъезд, зонты, метро, ВДНХ
ржаной листвы, подмоченной дождями,
где мы плелись, не ведая греха,
тропинкой, окропленной желудями.

В музее на Грушевского, в пыли,
среди картин классического фолка
скрипел паркет. Туда мы забрели,
приправив равнодушие восторгом.

Пунктир от полуфраз до полумер,
фуникулер и очередь в Артцентр.
Тебе не полюбившийся модерн,
глухих надежд контуженный оркестр...

Браслеты, шарф и пара ветхих книг
с простуженной предпраздничной Петровки.
Прищур на мой крылатый воротник
касанием заботливо-неловким...

Колокола – разлука в Рождество.
Озноб. Таблетки. Гоголь под подушкой.
Когда легко принять за божество
чайнками облепленную кружку...

Запретных встреч кусающий мороз,
скользящий от возврата до разрыва.

И тот визит с букетом алых роз
пришелся кстати – уберег от срыва.

Созвездьями предсказанный сюжет –
стоять по обе стороны порога,
где плавится Весовский сентимент
в незыблемом упрямстве Козерога.

Теперь иная осень на коне
грядущих дней замешивает глину.
И мне все реже грезится во сне
тот голос твой

с заснеженной чужбины:

Что ты боишься бешеных собак,
и что давно родители в разводе,
не переносишь водку и табак,
и всей тоской склоняешься к природе.

Как трепетно скучаешь по весне
и морю Крыма сохраняешь верность...
А мне все чаще заслоняют снег
твои глаза с портрета на пленэре...

И верится – вернусь еще не раз
я в Киев-град, чертовский и крещенный,
неся в груди любви иконостас
и образ твой, истертый и прощенный.

Сценарий постигая наперед,
конечно, я искать тебя не стану,
вольюсь в толпы кружащий хоровод
отрезком от Крещатика к Майдану.

Быть может, пропоет мне о былом
нетрезвый бард с Андреевского спуска,
как ангел с перевязанным крылом,
играющий за гривну на закуску.

Когда гуляет Киев до утра,
и опера звучит на Театральной,
зовут меня каспийские ветра,
и мне не жаль мелодии прощальной...

Конечно, я любила не тебя...

* * *

Переписала на́бело,
А ссадины зудят...

Перерубила кабели –
Искрятся и гудят...

Заела все пилюлями –
Пустые пузырьки.
Удавки, яду, пули мне!..
Да все с Твоей руки!..

Ах, весело – так весело!..
(Хватаюсь за живот)
А то, что сердце – месиво –
До свадьбы заживет.

ПРО ТО И ЭТО...

«Ты есть То...»
ЧХАНДОГЬЯ-УПАНИШАДА

И однажды я пошла ва-банк:
на зеро поставила все фишки:
книжки, пережитки, передышки,
сбросив все пожитки и излишки...
У меня осталось только То.

Нечто То, которое Ничто.
Некто То, которое Никто...
Это То – не Он и не Она,
это То имеет имена.

Это То повсюду и нигде,
это То в Тебе, во мне – везде...
Это То есть всё, а всё есть Я,
и во всем – иллюзия моя.

И однажды стало «Я» играть –
умирать, рождаться и опять –
двадцать пять...
А скоро двадцать семь...
Что-то заигралась я совсем...

Эмилия АБДУЛЛАЕВА
(Азербайджан)

*Эмилия Абдуллаева – окончила факультет психологии
Киевской Межрегиональной Академии. Пробует себя
в прозе, которую считает для себя «главнее» поэзии.*

*Участник Первого международного Конкурса молодых
поэтов стран Южного Кавказа (2012). Публиковалась
в бакинских периодических литературных изданиях
(газета «Мир литературы», журнал «Литературный
Азербайджан»).*

ПИСЬМО

Вновь все повторяется привычно,
Каждый божий вечер - как один,
Тянется резиной безразличной,
Мерзнет сердце среди лунных льдин.

Книг любимых мудрое молчанье
Аккуратно сложено на стол...
Он устроил книгам испытанье
И в одной из них письмо нашел.

Желтая помятая страница,
Ряд свинцовых безысходных слов.
Буквы, точно раненая птица,
Изливали на бумагу кровь.

То письмо не о любовных муках,
Жгучих тайнах преданных сердец.
Нет в нем ни мелодии, ни звука
Нет начала – есть один конец.

Не журчит в письме рекою звонкой
Всеми долгожданная весна...
Потому что это – похоронка,
Что навеки мать лишила сна.

* * *

Исцарапанную душу,
Как истертое белье,
На веревке кто-то сушит,
В лоскуты дерет ее.

Беспощадная заноза,
Ты, душа – под кожей нож.
А на улице – березы,
Шелест листьев, ну так что ж...

Снова – битые колени,
Ссадин черная кора.
Лень отделаться от лени –
Сплю с утра и до утра.

Умка – singer-songwriter, как это называется в этом жанре, плюс ритм-гитара и Борис Канунников – гитара, баск-вокал, гостили в Тбилиси в августе–сентябре. Дуэт дал ряд клубных и внеклубных концертов. Умка (она же Анна Герасимова) провела сольные творческие вечера в «Кавказском Доме», в Пушкинском обществе «Арион» в Доме писателей Грузии, в клубе «Парнас».

УМКА (Россия)

Умка (Анна Герасимова) окончила отделение художественного перевода Литературного института им. Горького и аспирантуру. Кандидат филологических наук, специалист по творчеству обэриутов (Александр Введенский, Даниил Хармс), подготовила несколько изданий их произведений. Опубликовала ряд переводов литовской поэзии (в частности, книгу Гинтараса Патацкаса) и переводы романов Джека Керуака «Бродяги дхармы» и «Биг Сур».

С 1985 г., как исполнитель собственных песен, выступает под псевдонимом Умка и становится одной из знаковых фигур русского рока. После длительного перерыва возобновляет музыкальную деятельность в 1995 г. с группой «Умка и Броневинок» (с 2005 — «Умка и Броневик») и в течение последующих десяти лет выпускает более двадцати альбомов. Как с группой, так и в качестве сольного исполнителя широко гастролирует по России и за рубежом (США, Великобритания, Германия, Израиль, республики бывшего СССР). Живёт в Москве.

1

Пастернак, Пастернак, Пастернак!
Что ты сделал с весенней грозой?
Где ты взял этот памятный знак
С нарисованной стрекозой?

Только задранная голова
И лосинный нацеленный профиль –
Желваками бугрятся слова,
Как в кастрюле кипящий картофель,

И неназванной тьмы океан
Точку смысла нечаянно лепит,
И бесформенный серый туман
Превращается в щебет и трепет,

И летят в мясорубку твою
Зимний сумрак и буйное лето,
И у бездны шкворчат на краю,
Как сверкающие котлеты.

Столько радости в этой моще,
Столько силы в слепой этой кухне,
Что ненужный порядок вещей
Затрещит, зашатается, рухнет,

И Всевышний, явившись на пир,
Приглядится, прищурится, ахнет:
Человеком воссозданный мир
Рукотворною вечностью пахнет.

2

Психоделия, блудная мать
Всех усилий двадцатого века!
До чего тебя трудно поймать
Деловой головой человека.

До чего приручить нелегко
И заставить вертеть шестеренки,
Чтоб целебное пить молоко
Из-под бешеной этой буренки,

Что ругается, словно мустанг,
И лягается, точно извозчик,
Покидает глухой полустанок
И бежит в заповедные рощи,

И стоишь ты дурак дураком
На полях бесполезных тетрадок
И, стуча по бедру кулаком,
Смотришь, как она скачет кругом
И волшебным кропит молоком
Разноцветной листвы беспорядок.

21 января 14

РУКОВОДСТВО К ДЕЙСТВИЮ

Мочи без разбору всех тех, кого меньше,
Дави без оглядки все тех, кто слабей.
Детей, стариков и беременных женщин,
Калек и уродов безжалостно бей.

Усталый, довольный и гордый собою,
Взбеги по ступенькам родного крыльца
И зеркало в ванной разбей головою,
Когда на лице не увидишь лица.

27 января 14

* * *

Что же это был за затык
Что же это был за язык
Чем же так он незаменим
Что в огонь и в воду за ним
Почему он с этой страной
Неразрывен точно чумной

Помолчи, дурак, помолчи
В голове твоей кирпичи

На губах твоих тяжкий мат
 На тебя у всех компромат
 О язык ты мой ты мой враг
 На тебе уже столько врак
 На тебе такой страшный бред
 От тебя нам всем только вред

Отвечает мой бедный язык:
 Говори, говори. Я привык.

1 марта 14

1
 как не хотела мараться я
 о придорожную пыль
 здравствуй моя эмиграция
 кафкою ставшая быль

как не хотела валяться я
 мордюю в темном углу
 здравствуй моя революция
 видеть тебя не могу

долго я пела и прыгала
 мне не хотелось домой
 здравствуй родная религия
 господи боже ты мой

хочется, хочется, хочется
 жизнь положить за пятак
 знала что все это кончится
 только не знала что так

2
 золотом, горестным золотом
 осень легла на холмы
 были когда-то мы молоды
 были когда-то мы — мы

были когда-то поддатыми
 солнце искали в вине
 ныне мы стали солдатами
 в чьей-то паскудной войне

не отмахаться, не скрыться нам
 впился под ребра вопрос
 здравствуй моя коалиция
 с гибелью полной, всерьез

сколько ни прыгай “пустите меня!”
 звук не идет изо рта
 здравствуй моя инвестиция
 имя тебе - пустота

божья коровка в коробочке
 узкая, тесная клеть

плачет душа на веревочке
 рвется куда-то взлететь

мало ей места укромого
 темный не мил уголок
 мало ей мира огромного
 бьется башкой в потолок

3
 пахнет отсутствием духа
 мира слепое мурло
 сердце стучит, словно муха
 бьется и бьется в стекло

снег на далеких вершинах
 как на машинах зимой
 где же ты делся машиах
 господи боже ты мой

писем ты нам не напишешь
 сказок ты нам не споешь
 ищешь всю жизнь тебя, ищешь
 ждешь тебя, сволочи, ждешь

4
 Было весеннее утро,
 Летний стремительный день.
 Вот уже вечер и осень,
 Близится зимняя ночь.

5 сентября 14, Тбилиси

* * *
 стреляют пушки гибнут люди
 они бы сдохли все равно
 но не в угоду той паскуде
 а просто так заведено

и в праздник, вечером росистым
 их бы отпели все равно
 на зависть псам и террористам
 спокойно, весело, умно.

5 сентября 14

мирный план:

1. прекращение огня
2. прекращение воды
3. прекращение воздуха
4. прекращение земли

5 сентября 14

ОДА НА ПРИЕЗД ТАЮШЕВА В ТБИЛИСИ

Я еду в Грузию сегодня, как и все.
 Быть может, за хребтом Кавказа
 Сокроюсь я от вас, ООН, ОБСЕ,
 Разнозначная зараза.

На холмах Грузии лежит ночная мгла,
 Дневная мгла бывает тоже.
 Я как кобыла та, я просто не шмогла,
 И не шмогу уже, похоже.

Пускай во тьме времен горит бездонный Дон,
 Как море синее из сказки.
 Во славу Аббадон накрылся лохотрон,
 Весь от Находки до Небраски.

Нишкини, Сарданапал, не на того напал,
 Побереги в кармане пальцы.
 Ты не туда попал, а где-то есть Непал
 И в нем живущие непальцы.

Гудит вечерний звон, пылит Армагеддон,
 Как шапка на воре пылает.
 Летучий эскадрон несется за кордон,
 И вобла бешеная лает.

И в час прохладной тьмы, о милые холмы,
 В тяжелых, нежных ваших лапах
 Я буду вспоминать, как брошенную мать,
 Земного ада черный запах.

13 сентября 14

* * *

в каждой строчке только точки
 вопросительный в конце
 как мне жить всеобщей дочке
 с удивленьем на лице

до последнего момента
 не умея умирать
 запыленной изолентой
 закатилась под кровать

просыпаюсь утром рано
 и тихонечко молчу
 приходите тараканы
 я вас чем-то угошу

14 сентября 14

* * *

Осенняя ночная стрекоза
 Закрывает бесполезные глаза

Сидит и притворяется что спит
 И солнце изнутри ее слепит

Купите папиросы господу
 Наплюйте на снижение вреда
 Купите кофе бублик ветчину
 И до весны забудьте про весну

У стрекозы на сердце тишина
 Она не спит она на грани сна
 Она молчит не пляшет не поет
 Сейчас уснет

14 сентября 14

* * *

Это сделано левой ногой
 Это сделано заднею левой
 Если делать могла бы другой
 Я была бы уже королевой

Я была бы уже лучше всех
 Мне при жизни воздвигли бы памятник
 Я б разделала все под орех
 Если б делала это руками

Только заняты руки всегда
 То борщом, то вареньем, то стиркой
 То билетами на поезд
 То в носке появившейся дыркой

Так что вот - извини, дорогой
 Не дождешься ты лучшего качества
 Это сделано левой ногой
 Но на раз, без оглядки и начисто.

4 октября 14

* * *

Когда лисички взяли спички
 И море синее зажгли,
 Мы бросили свои привычки
 И скрылись на краю земли.

Играют волны, ветер свищет,
 Русалка на ветвях сидит.
 Привет, родного пепелища
 Непогашаемый кредит.

Здесь музыка гремит и лает,
 Здесь пахнет адом, ядом, мной.
 Бумаги ценные пылают
 Неопалимой купиной.

Пылайте, милые бумаги,
Паситесь, мирные стада.
Не встану я под ваши флаги
Ни под какие, никогда.

Мне не нужны ни те, ни эти,
Не надо мне морских огней.
Уж лучше на другой планете
Я проведу остаток дней.

Гранитом времени питаюсь,
Сухую корочку грызю,
Я потихоньку попытаюсь
Жить как хотелось, но нельзя.

Мне ничего от вас не надо,
Останусь вечно молодым.
О запах яда, запах ада,
Воды паленой сладкий дым!

8 октября 14, Вильнюс

Меня окружают психи
По-моему, каждый псих
Покуда они не стихли
Я буду писать про них

Я скоро стану психом сама
Настолько они плохи
И чтобы совсем не сойти с ума
Придется писать стихи

13 октября 14

Командиры дальних стран
Города берут
Брежнев взял Афганистан
Рейган взял Бейрут

Кто-то строит дурачка
Кто-то стены строит
А Андропов с кондачка
Запретил Пинк Флойд

С кем вы с кем вы мастера
Виза или ванная
Что-то в голову с утра
Лезет очень странное

Лезет в голову вопрос
Он один на всех

И уже ни сил, ни слез
Только смех и грех

13 октября 14

Ну вот просвистела я жизнь скворцом
Заела ореховым пирогом
И больше нельзя никак
Мы все равноправны перед концом
Мы все бесполезны перед лицом
И каждый - слепой дурак

Стою растерянно у моста
Ключи потеряны навсегда
И скудный не мил улов
И все, что сделано - пустота
И все, что сказано - ерунда
И больше не надо слов

22 октября 14

Эка невидаль "думать о катастрофе"
Когда мир вокруг разваливается на куски
Ты попробуй лучше вырасти свой картофель
А не то возделай смородиновые кусты

Ты попробуй уехать на дачу без интернета
Чтоб не слушать, что говорит мировой жандарм
Ты попробуй уехать и там провести все лето
Ибо сказано: Cultivez son jardin

26 октября 14

Борис КАНУННИКОВ (Россия)

Борис Канунников родился 28 мая 1972 г. в Севастополе в семье морского офицера. С детства интересовался музыкой. В юности начал играть на гитаре, чем и занимается по сей день, с 1997 года - с Умкой (А. Герасимовой). К своему удивлению, несколько лет назад начал писать стихи.

1

Я скажу не ради хвастовства
Просто в силу важности момента
Очень сильно пухнет голова
Прилетев с другого континента
Также спотыкается нога
Задевая за другой ботинок
А пока что больше ни фига

2
 Во Вселенной как грибы
 Звездопады и столбы
 Дальний путь и двери на замке
 В этот день и в этот час
 Ветер будет петь для нас
 На своем пиратском языке

3
 Надень. Перелетные птицы
 Всегда надевают пальто
 В нем сложно порой торопиться
 Зато не замерзнет никто.
 Вот день. Площадей вереница
 Пространство сверкающих крыш
 Кому-то случайно приснится
 А ты все летишь и летишь

* * *

«Скушно, товарищи, вместе,
 Тошно в совместной борьбе»
 Словно к залипшему в тесте
 Я обращаюсь к себе
 С кем мне еще поделиться
 Больше ведь нет никого
 И продолжают теплиться
 Сплошь посторонние лица
 Возле лица моего

* * *

Куда спешим? Напрасно тратим время
 Нам не успеть и с пулей в голове.
 Летит стремглав ужаленное время
 Сквозь бесконечный завтрак на траве.

* * *

Феномен нас, как чистого искусства,
 Возобладал над бездною пучин.
 Но что-то поломалось, стало скучно,
 И этому есть множество причин,
 И этому есть множество названий,
 И куча дел, но неизменна суть,
 И личный водолаз, источник знаний,
 Пускается сквозь пальцы в дальний путь.

Мороз и солнце дождь и слякоть
 Подвал квартиры небоскреб
 Вольно ж всегда коту наплакать
 Чего сам дьявол не наскреб
 Ночь улица фонарь под глазом
 Светло как днем но в темноте
 Все заживает раз за разом
 Как на коте.

Не просто так, а потому что
 Не для чего-то, а вообще
 Так значит ведь кому-то нужно
 Зависнув в огненном плюще

Докувыркаться до истерик
 Допресмыкаться до земли
 И выплюнуть на этот берег
 Среди бесчисленных америк
 С бесценным грузом корабли.

* * *

Всегда чего-нибудь нельзя –
 То пить коньяк в чужой квартире
 То пулю в придорожном тире
 Случайно выпустить в ферзя
 То ночь не спать
 То днем валяться
 То музыкантом называться
 По струнам баночкой возя
 Нельзя и все
 И хоть ты тресни
 Не выкинешь из слова песни
 И не придет обратно тот
 Кто эту песню пропоет

Когда я злой, а злой всегда я
 Как распоследний сучий пес
 Меня грызет тоска седая
 До глубины корней волос
 И разомлевшая природа
 Как проститутка на балу
 Как перепачканная роба
 Сопит в углу

ШАНСОНЕТ

Алаверды высокому искусству
 Я день и ночь жевал его плоды
 Я не скажу чтоб было очень вкусно
 Но все равно ему алаверды
 Гип-гип ура большой литературе
 Сегодня здесь а завтра наутек
 Давай напишем что-нибудь в натуре
 Пусть порезвится гаденький утенок
 О музыке не будем говорить
 она второстепенна как обои
 Ее теперь не принято дарить
 А значит продавать нельзя тем более
 Серьезный минус живописи вялой
 Всего один художник это мало
 Вот так башкой пробив культурный слой
 И выскочив с той стороны планеты
 Весь ходишь в штукатурке сам не свой

И коллекционируешь монеты
А мимо пробежит водопроводчик
И цепь событий пролетит звеня
Взмахнув хвостом оставит пару строчек
И даже не посмотрит на меня.

* * *

Сложная метафора
Спит во тьме ночной
Скрытая от автора
Черной глубиной

* * *

Новогоднюю сказкой белеют под снегом деревья
И седая ворона поскальзывается на льду
И сквозь все проступает печальное слово «деревня»
Счастья в Новом году!

Завывает под дверь собакой хватает за ворот
Ветер листьями с веток рассыпались карандаши
И липовым рассветом всплывает понятие «город»
Из потемок души

И пускай расцветает лопух за колючей оградой
И пускай не приснится плохого ни ночью ни днем
Мир счастливых случайностей будет нам вечной
наградой

За отсутствие в нем

Андрей ТАЮШЕВ (Россия)

Андрей Таюшев родился в Саратове в 1968-м году. По образованию – историк, по роду деятельности – сочинитель. Не состоял и не привлекался. С 2002 года проживает на Северо-Западе России в тихой провинциальной Вологде, но довольно много путешествует. Автор стихотворных сборников «Аиб», «Ебж», «Седьмой ряд», «Трамвайчик», а также пьес в стихах.

Андрей Таюшев: «В сентябре 2014, когда мой друг Аня Герасимова, она же Умка, позвала меня составить компанию в Грузии – я, почти немедленно, согласился. Побывать в Тбилиси была моя старая и, казалось, несбыточная мечта... Оказывается, «несбыточных мечт» не бывает, а бывают лишь отговорки. Грузия превзошла все мои ожидания. Я был тут счастлив, подтверждением чему являются и стихи, написанные по горячим следам, сразу после поездки».

* * *

Роскошно завершилось лето!
Оно уже катилось вниз
И вдруг взлетело как ракета –
И унесло меня в тифлис
Такой живой, такой домашний
И источающий уют
Что всё казавшееся страшным
Не страшным показалось тут.

На мне висели, точно гири
Все разговоры о войне
«Славяне мы вас здесь помирим»
Я вижу надпись на стене
И правда – кажется нелепым
Тот смрадный, тот кошмарный ад
Где нас как глину мнут и лепят
... солдат...

итд итп

БАТУМСКИЙ ПОТОП

В ботаническом саду
В диких в джунглях, спящих чащах
Как в Эдеме настоящем
Под дождём сплошным бреду
Столько в воздухе воды
Захлебнуться что могли бы
Прям по воздуху туды
И сюды шныряют рыбы
Прилетают из глубин
Барабулька... скат... дельфин.
Дождь туристов разогнал
Как морской девятый вал
Как цунами, как Потоп
Что обрушился на берег
И ни азий ни европ
И ни африк, ни америк
Проклинающих судьбу
Скоро, скоро уж не бу...

* * *

Вот дом, где жил поэт Яшвили
А вот напротив – магазин
Охотничий, где по стене висят
Как гроздь винограда – ружья
Бери любое – выбирай на вкус.
Какой-то, всё же странный юмор
У Жизни (или же у Смерти)
Вы не находите, друзья?

* * *

По тифлису ночному мы кружим, и кружим,
и кружим
Словно пять мотыльков без какой-то особенной
цели
Три двора проходных. Неприметная дверка наружу –
И не улиц уже, а как будто миров параллели
Вот компания медленно движется (после застолья?)
Все поют «Сулико» (нет, ей Богу, друзья, не шучу я)
И поют очень тихо, спокойно, уверенно, стройно
И услышав ту песню – душой, всем нутром её чужа
Подхватили её (так же тихо, в треть голоса,
в четверть)
Пацаны у подъезда свои оборвав разговоры
Поплыла «Сулико», расстилаясь в пространстве,
как скатерть
То стелясь вдоль земли, то взлетая стремительно
в гору

* * *

В последний день когда я был в Тбилиси
Открылись мне, внезапно, дали, выси
Жара ушла и вслед за той жарой
Ушёл куда-то старый морок мой
Не отпускаящий месяцы и дни
И думалось: О, Господи – верни
Утраченные мной мои права
Творить не Слово – нет – но хоть слова
Верни мне речь, пожалуйста, мою
Чтоб говорить у бездны на краю
Без этого совсем ничтожен я
Как единица в степени нуля.

* * *

Мы с тобою вернёмся – я знаю – ещё мы вернёмся
В этот город осенний (волшебный), залитый
дождями и солнцем
Где на улицах узких сквозь тлен, нищету и распад
Всё ж отчётливо слышится жизнь
Да, я знаю, вернувшись назад
Мы отыщем тут наши следы, нашей жизни следы
и приметы
То, что Город впитал и – для нас сохранит до поры
Словно отблеск заката на водах клубящейся Леты
Что течёт тут всегда, под условным названьем Куры...

Вячеслав АХУНОВ посетил Грузию как участник Международного семинара «После Хлебникова», прошедшего в Батуми с 9-го по 11-е сентября, стартового мероприятия масштабного мультимедийного художественного проекта, проводимого компанией «DASH Arts».

Вячеслав АХУНОВ (Узбекистан)

Вячеслав АХУНОВ – родился в 1948 г. Живописец, график, перформансист, режиссер, видео-артист, сценограф, поэт, прозаик, эссеист, публицист и философ, окончил Фрунзенское художественное училище и Московский художественный институт им. Сурикова. В 80-х годах состоял в Союзе художников, а также кинематографистов СССР, откуда ушел в 1989-м. С 1988-го регулярно выставляется на международных выставках, из которых следует упомянуть три участия в Венецианской Бьеннале, Сингапурской, Монреальской, двух Московских и Пражской, Триеннале в Новой Зеландии и в ряде крупнейших мировых премьер, таких, как «Документа 13», «Арт-Базель», выставках в Болонье, Галерее «Гараж» в Москве и др. – всего более ста значительных международных художественных смотров. Кроме того автор многих персональных выставок. Сотрудничает с мировыми музеями, такими, как Музеи Современного Искусства в Париже, Вене, Филадельфии, Антверпене, Копенгагене, Мюнхене, Люксембурге, Нью-Йорке, Мадриде, Афинах, Хельсинки и др.
Как поэт и эссеист публиковался в журнале «Звезда Востока», в альманахах «Поэзия и Фергана», «Городу и миру», «Арк», «Малый шелковый путь». Живет в Ташкенте.

ПОДКИДЫШ (фрагменты из романа)

1.
Степь, если вспомнить, должна плавно перерасти в мелкие приплюснутые адыры – бескрайнюю гряду подобий с каменистыми днищами высохших саев над галечными обрывами, по краю поросшими колким репейником и сытно шелестящими при малейшем порыве ветра низкими кустами невзрачного мягкоплодника. Приблизившиеся холмы, с наветренной стороны, осыпали глиняную мелочь, и пыль, клубясь, парила над норками дремавших ночных насекомых и настойчивым промыслом беспокойных ползучих тварей. За очередным склоном мерещилось неказистое глинобитное жилье, призывая вспомнить, что он жив и если придется, еще способен объяснить

цель своего рискованного странствия. Но теперь, обезумевший от бездорожья и удушающего зноя, почти потерявший верные ориентиры, неловко втискивая разгоряченное тело в скудную тень под клочковатой веткой с мягкими игольчатыми листьями приземистого тамариска, он прошепчет самому себе: «Как прекрасно было наслаждаться жизнью там, за убегающим на Запад горизонтом, под облаком, зависшим за плечом с облупленной кожей, немного слева...». Но медлительное облако уже успело исчезнуть... И он это поймет немного позднее, когда под подошвой кроссовок с оглушающей неожиданностью хрустнет пустотельй стебель пустынного растения, без всякого труда отпугивая жалеющую мысль о неизбежности скорого отступления, вот уже несколько часов назад давшую себя обрести в тускло-оранжевом мареве оставшейся позади пустыни с ленивыми песчаными поземками на ребристых барханных откосах. Шаг, который, было, приноровился к ходьбе по горячим пескам, теперь, здесь, в степи, на твердой поверхности, не сразу обрел надежную остойчивость и привычную верность: ему все еще мнилось зыбучее, шаткое, вязнущее и угрожающее. Пристроив ладонь над воспаленными слезящимися глазами, терпеливый, он долго выслеживал верное направление, пытаясь нашарить взглядом еле приметную тропу сбоку от русла пересохшего сая, мимо мелкой поросли на желвачной вольготности близкого склона, мимо адырных вершин, снизу в жесткой, отжившей своё, сухой травянистой щетине, уже опаленной оголтелостью афганского суховея-гармсиля в послеполуденный час. Наметив, как ему показалось, достаточно точные ориентиры, мысленно приблизил тропу к себе, под натертые ступни, – надо совершить последнее усилие, дав ей возможность всосать тебя, направить дальше, в ясность, в лень и райскую прохладу предгорного оазиса, к строго очерченным полям и лоскутной мозаике полянок с зелеными побегами после второй вспашки, где только недавно душистым одуряло скошенное разнотравье. Давеча он не раз вспоминал этот приглушенный сайский рокот под охристой крутизной глинистого обрыва, густо испещренного пещерками вертких, неугомонных птиц. Припомнил изумрудно-стремительное пикирование щуров вровень с гнездами ремезов на поникших к воде ветках тала, будто безвольных над лимонными сполохами цветущей ряски в тихом затоне, рядом с темно-зелеными зарослями вьющегося ежевичника, – надежно опутав часть изножья дикого шиповника, ягодная запутанность отцветала скромной неприметностью. Застенчивые соцветия привлекали окрестных пчел едва уловимым, сладчайшим ароматом, пока он, молчаливый и сосредоточенный, благодетельствовал изворотливые полеты над темной бездной омота жесткокрылых стрекоз с прозрачными тельцами,

их трескучее пикирование в колыханье обильной остролистой водяной меч-травы с внезапно-задумчивым замиранием над невозмущенной, вдоль и поперек исхоженной водомерками гладью воды. Отражаясь серповидными чешуйками, яркое солнце неумолимо слепило глаза, придавливая светом шумно дышащее за спиной сорговое спелое поле в клювастом гвалте дерущихся майн, куда, минуя рисовые чеки, по влажным земляным перемышкам, потом по пологому склону холма с веерными грядками пожелтевшего бахчевника, он отойдет немного спустя, сказав про себя, что невозможно насытиться бесконечно изменчивым, непостоянным, исчезающим, затем замедленным шагом обогнет поле вдоль топкого заура с торчащими, будто сработанными из мягкой, податливой замши, светло-коричневыми бутонами камышового изобилия, по тенивому, в такт шагам чавкающему краю с сочной осокой у застойно-тинной, непрозревшей воды, чтобы потом, пригнувшись и на мгновение обрета незрячесть, войти в густую тень под тутовой узловатостью искривленных стволов и упругими ветвями в мелколистном обрамлении, скоро отросшими после календарной майской порубки. Слегка тушеванный тенью, встречный старик-тюрк в полотняной мусульманской тюбетейке над осыпанным оспой вспотевшим лицом и лопастями оттопыренных ушей, неторопливо скатав в рулон молитвенный коврик, большим и средним пальцами выщелкнет хлесткий треск, размашисто повертит перед глазами указательным пальцем с заскорузлым коричневым ногтем, укажет сиплым голосом ближнюю дорогу: «Надо идти по обочине. Гудрон растопился, стал мягким, тягучим, словно бухарская халва в жаркий час... Третья вёртка направо... Не ошибись... Да, сынок... в такие дни механизмы не желают повиноваться, так что не жди попутку, будь терпеливым, иди себе с миром!».

7.

Он вспомнил тот уютный университетский городок у подножья лесистых гор, куда его завели дела, в который он пробрался на кажущемся почти игрушечным, свежеевыкрашенном вагончике местной узкоколейки. Оранжевый поезд, наверстывая километры, плутал среди лесистых гор над туманными, заспанными долинами, освещенными сказочным видением братьев Грим, минуя Детмольд, бюргерский Хекстер, потом мелькнул над спокойными водами Везера, где он на секунду оставил взгляд в напускной свирепости бронзовых вепрей на въезде и выезде с моста с ажурными фермами. Её мелькнувший темный твидовый свингер до колен и светлые локоны над серыми глазами, когда, она гордо посматривая по сторонам, проходила вдоль холодного гранита паперти

церкви Святого Якубика, по каменным плитам Веендерштрассе, потом минуя витрины книжного магазина и действующий фонтан на перекрестке с фигурой обнаженной нимфы в искрящихся струях воды, мимо громко музицирующих уличных гитаристов – латиноамериканских индейцев в своих неизменно-просторных пончо с бахромой и черных шляпах с короткими полями на смоляных кудрях у входа в супермаркет «Карштад»; прошла, зацепив случайным, боковым зрением встречный взгляд мальчишки-мандолиниста, сверкнувший креольским дерзким вызовом и затаённой злостью, и нескрываемой завистью в черных глазах, и дальше, по городской площади, вдоль старой ратуши и полосатого (белое с зеленым) навеса ресторана у стены, мимо бежевых прутьев плетеных кресел с мягкими подстилками, по гранитной брусчатке в освещенной полосе, чуть высветившей велосипедное стойло и горстку спящих сизарей у начищенных ботинок скучающего полицейского с пластиковым стаканчиком в левой руке.

Вновь увидел её, так поразительно похожую на его римскую подругу, уже сидящей в мягком кресле, за столиком, в уютном баре при галерее «Апекс» на Бургштрассе, на следующем этаже с залом для исполнителей авангардного джаза. Гордящийся своими картинами, выставленными на продажу, он тайно выглядывал заветную красную метку на этикетке, пока она сосредоточенно скручивала новую сигаретку, подмяв пальцами достаточно влажные махры ароматного табака «GAULOISES», выудив часть из голубого пластикового пакетика, не забыв осторожно послушав розовым кончиком языка проклеенную кромку невесомой папиросной бумаги «KINGSGARD». Небо темнело над потолочным витражом, её перевернутым отражением, теперь неторопливо пригубившим от бокала с пивом, тонкими пальцами без сомнения придавившее сигаретный остаток, вызволенный с тщательной осторожностью из костяного мундштука, и кельнер в белом кителе, предупредительно прикрыв пепельницу, унес её, тут же вернулся с опрошенной и чистой, потом, ловко щелкнув зажигалкой у фитиля свежей свечи, отошел по исшарканным плитам, чтобы вновь замереть у деревянной кадки под глянец мясистых листьев мушмулы, с деланным безразличием разглядывая её освещенное лицо. «Меланхоличка», – скучно подумал кельнер. В углу, у оконной рамы, рядом с бело-черными монотипиями в простоватых рамках, под насмешливым взглядом Джорджа, – владельца заведения, слева от афиши барабанщика Гюнтера «Баби» Соммера и саксофониста Ове Волдхартза (Solo-Schlag-werk-zeug), шумно разогревалась пара смеющихся джазменов из портового Гамбурга с полупьяными подругами, опустошая граненые стопки (шведский «Абсолют», отметил он про себя), поставленные в ряд, впритирку к друг к другу. Одна

из них, сверкая блестками помады на пухлых губах, что-то возбужденно шептала, тихо скандальничая, потом, истерично смеясь, принялась брэнчать на антикварном фортепиано резного орехового дерева, и приглушенно петь, смешивая блюзовые интонации с хрипом и брюзжанием в паузах, кажется, из «A Tame For Love» Мелиссы Уолкер. Остаток вечера и часть ночи провели в загородном ресторане: аромат свежее испеченной лазаньи: она подробно объясняла, как легче удалить кочерыжку фенхеля, что для соуса необходим сыр с синей плесенью, овощи и тонкие листы теста. Позже выяснилось её предпочтенье: запеканка из помидоров и плодов цуккини. В город возвратились за полночь. Прощаясь, долго стояли, вдыхая аромат испеченной сдобы среди ветшающих стен ренессансных домов с аляповатостью гипсовых барельефов целящихся амуров в вычурной канители отрезившихся фронтонов.

15.

Что-то остается нетронутым, подумал он, вытеснив краткую тень, прежде, чем сесть, уже избалованный своим присутствием и обильно сочащимся любопытством из-под косо поставленного бревна – подпорки для бедственного дувала. Глупо подглядывать, но не здесь, где не существует добра, как и зла, – мелькнуло, – на той неделе ей исполнилось лишь двенадцать: тот прекрасный возраст для замужества; она не возражала. Она не возражала, но ей нравился именно он, вернувшийся на миг в их скучный мир, неуловимо схожий с её дальним родственником, бывшим студентом столичного юридического факультета, отрешившимся от вожделий, похоти и других желаний, отрастившим не в меру длинные волосы и, как судачили, «протестантскую» ваххабитскую бороду. В любезном его сердцу одиночестве, бормоча непонятные слова, он до недавней своей кончины бродил по ночам по освещенным полной луной вершинам барханов, но встречал встречных с вежливым безразличием, всегда готовый повернуться спиной ко всякому, обратившемуся даже с незначительным вопросом, вроде: «Вы встречали...» Нет, он не встречал ни исчезнувшую козу с желтыми глазами и вместительным выменем, ни киномеханика в плаще из искусственной кожи, второй год обещающего сеанс индийского фильма, тем более, заезжего узкоглазого дунганина – карлика-фокусника с тонкой косичкой на шишкастом затылке, в компании темнолицего цыгана в атласных затасканных шароварах, с вышколенным горным медведем-альбиносом на поводку: всякие там бутылочки с лечебным, сомнительным жиром от чахотки, – он даже не смел окинуть отрешенным, пустынным взглядом святоносца, которому доступно только высшее понимание людских

деяний, нагло посмеявшегося вторгнуться в его мир. Ей было сподручней печальными глазами следить за пришельцем издали, спрятавшись за источенной временем глиняной преградой, предварительно приняв все меры предосторожности. Может быть, он изнемог от никчемной городской жизни, стал бессильным, квелым, думала она, озабоченная неподвижностью пришельца, как поговаривал её дядя, отщепенца, и не в его силах теперь понять, что мир, действительно, двойственен только в восприятии взрослых, ведь представления о противоречиях существуют не иначе, как только в зрелом рассудке. Он смотрел в противоположную от неё сторону, вылушивая свое, терпеливо снося немые укусы потаенных глаз. В той сумрачной, медлительной комнате было непроветрено, но достаточно прохладно, тревожил затхлый запах залежавшегося, прелого и настырное тиканье ходиков с ржавыми стрелками над чугунными гириями-противовесами... можно было навзничь лечь, вдавиться позвонками в душную, ворсистую кошму или, прилепив разгоряченные ступни к освежающему холоду стенной пахсы, предаваться расплывчатым мечтаниям, ловя случайные звуки, понапрасну витийствовать, злясь на собственную никчемность... или выслеживать в прибитом молью воздухе осторожный полет блудного насекомого, поначалу его оптимистическое жужжание и несколько пробных, окружных облетов... потом тебя заморозит осиная круговерть вдоль низкой притолоки, рядом с загаженной мухами, пожелтевшей пластмассой дешевой люстры, мимо полок с фарфором стиля «идыш чини», выставленным под фотографией улыбчивого парня на фоне святого мазари-шарифского зиората с витающими точками белых голубей над изумрудными изразцами куполов: синий берет над карими глазами, правильный треугольник полосатого тельника, аксельбанты витого шелка от погона с сержантскими лычками к центру груди, к зияющему диску медали «За Отвагу»... и промельк прозрачных крыльев над другой, снятой у покореженного огнем бронетранспортера фотографией, теперь на титульном листе распахнутого дембельского альбома... прокружив у воткнутого в косяк двери полихлорвинилового уroda (убогое подобие розы с одним обкусанным листочком), оса прожужжит недалеко от форменной фуражки хозяина дома на приделанном вместо вешалки роге сайгака... в тени блеснет оберег – вытарашенный, стеклянный «глаз-мунчак»... невесомо падет искорка помета и насторожит внезапное пикирование насекомого, как запланированное предупреждение в тесном пространстве, сузившемся до пределов уютной, вызубренной наизусть тюремной камеры, предназначенной не только для одного тебя, и, увы: осы настойчивые попытки вырваться в

роковой день, с восхождениями и скатыванием по мутному стеклу, минуя трещину, к основанию, вниз, – предшествующий смертельной агонии бессменный ритуал... Он знал особенности борьбы за выживание и был спокоен за свою судьбу, – оса не так сообразительна и приспособлена, – порой высушенные, бледно-прозрачные трупики, подобно родившимся, но не реализованным идеям, вываливались из серых складок давно не стиранной сатиновой занавеси с кисейными лентами по бокам в отслоившуюся оконную замазку, в мучнистый прах и мелкий, за полгода накопившийся на подоконнике мусор. В холодное время января, вспомнил он, когда за окном свирепствовали лютые холода и на стеклах съезживалась изморозь, в прохладе подоконника сонно покоились вянущие плоды айвы с шершавой, колючей на вид шкуркой, источавшие густой, духмяный аромат на жалобы хандрящих астматиков, сгорбленных за низким столом, натянувших до самого подбородка толстое стеганое, общее для всех одеяло с бархатным верхом, под которым покоился спертый дух немывтого тела и тягуче вытянулись ревматические ноги с венозными загогулинами над дощатой решеткой сандала – ямой, наполненной тлеющими комьями душистого кизяка.

– Как жаль, как жаль! – входя, воскликнет младший брат соседки, рано овдовевшей женщины с оранжевыми от хны ладонями, сминая запахом пота устоявшийся полумрак, и нагибаясь, долго будет разглядывать мумии высохших насекомых, осторожно прикасаясь подушечкой указательного пальца к ломким, невесомые крылышкам, чтобы внутренне содрогнуться, встретив острое неизбежное жало. – Вот... Даже мертвое насекомое способно на внезапный укус. Муж моей сестры рассказывал, как случилась смерть: сердце одного бухарского еврея, художника с киностудии, не выдержав шок от внезапного укуса, лопнуло, – произнесет с тоскливым беспокойством и, смущенно улыбаясь, отдернет руку. Ты коротко кивнешь, шепча про себя: «Я знаю, обычно жалят от безысходности, превратившись в узника с крыльями, ставшими тяжелыми для дальнейшего полета, потеряв что-то самое важное, сокровенное, давясь собственным неверием в неизбежный конец». – Согласен с вами, – будто услышав, парень вскинет наголо обриту голову с лепешкой-вмятиной на затылке, расплюсченной от долгого лежания в одной и той же, неизменной позе. – Я чувствовал, – продолжит он, – как в той июльской жаре заплакала одинокая цикада, корчась от нестерпимой боли, найдя временный приют в прошлогодней ореховой скорлупе, дрожа и изнемогая от невольного бессилия... Но ты уже не услышишь его слов, поглощенный размышлениями о собственной, неудачно сложившейся судьбе в беззащитно хиреющем саде жизни с почерневшими

соцветиями отживших цветов молодости, с упрямыми надеждами и недалекой удачей пробиться к заветной дороге, ведущей в мировую кипучую деятельность.

– Приближается время полетов первых снежинок, – подумаешь ты. – Они пушисто осядут на крохотное сердце заснувшей цикады, – утраченный облик человека, тающий в твоём сознании, не признающем обманных пророчеств, – зыбких и прикованных к исчезнувшим облакам несбывшихся мечтаний, так и не вернувшихся в никуда.

21.

– Неизвестно, был ли поэт озабочен рождением очередного своего творенья или безмолвным поиском идеального текста, когда, метнувшись по стенам виллы Боргезе, низкое солнце запуталось в бесконечной анфиладе залов, потом, полыхнув по куполу, исчезло за дальними черепичными крышами, колокольной и куполом собора святого Петра, – размышлял гость.

Миновав грациозные линии Порты дель Пополо, ты свернул вправо, на виа Фламиния, выуживая из кармана мятые лиры, затем расплатился за сомнительную прохладу фруктовой воды, а перед этим, почти в полдень, тихо сидел на берегу Тибра, посасывая приторную карамельку у античного моста Сублиция.

«Знаешь, я сидел... больше не было сил двигаться... танталовы муки, Тибр... или вдруг, задрезавшие звуки... одинокий саксофонист в фиолетовой майке, окропленной разводами пота, раздирающий свой инструмент у мутной воды... рядом извивались окровавленные бинты и серели до предела замызганные оболочки шприцев... все отсвечивало в каменном спуске к течению реки, и мелькнувшее из Эзры, «Cantos»: «...потом спустились к кораблю»... спорящий с шумом воды, отпугивающий хрип, запах чеснока, базилика и томата в поджаренном соусе: у пиццерии толпилась нагретая пластмасса столиков, дальше колыхалось сфумато церкви Святого Бартоломея, мшился забытый стон больных пилигримов и дыбились каменные остовы строений у острова Тиберина, обращенные в произвол разрушения за скупой улыбкой твоего вчерашнего guida, – знакомого фотографа-папарацци в простонародном квартале Сан-Лоренцо, в провале заброшенной фабрики, где рядом с элегантной формальностью эзотерических образов с утерянным значением и смыслом услужливо бродил дух «вещественности» и «мануальности» Новой Римской Школы, огибая беседу с симпатичным поэтом о назревшей необходимости изобрести новый лингвистический синтаксис.

– Пора герметизма, с его усложненностью, намеками и аналогиями, в прошлом! Я не намерен страдать за «всех»! Я строю «свою пустоту», которая тверда, как мрамор, – взъерепенился

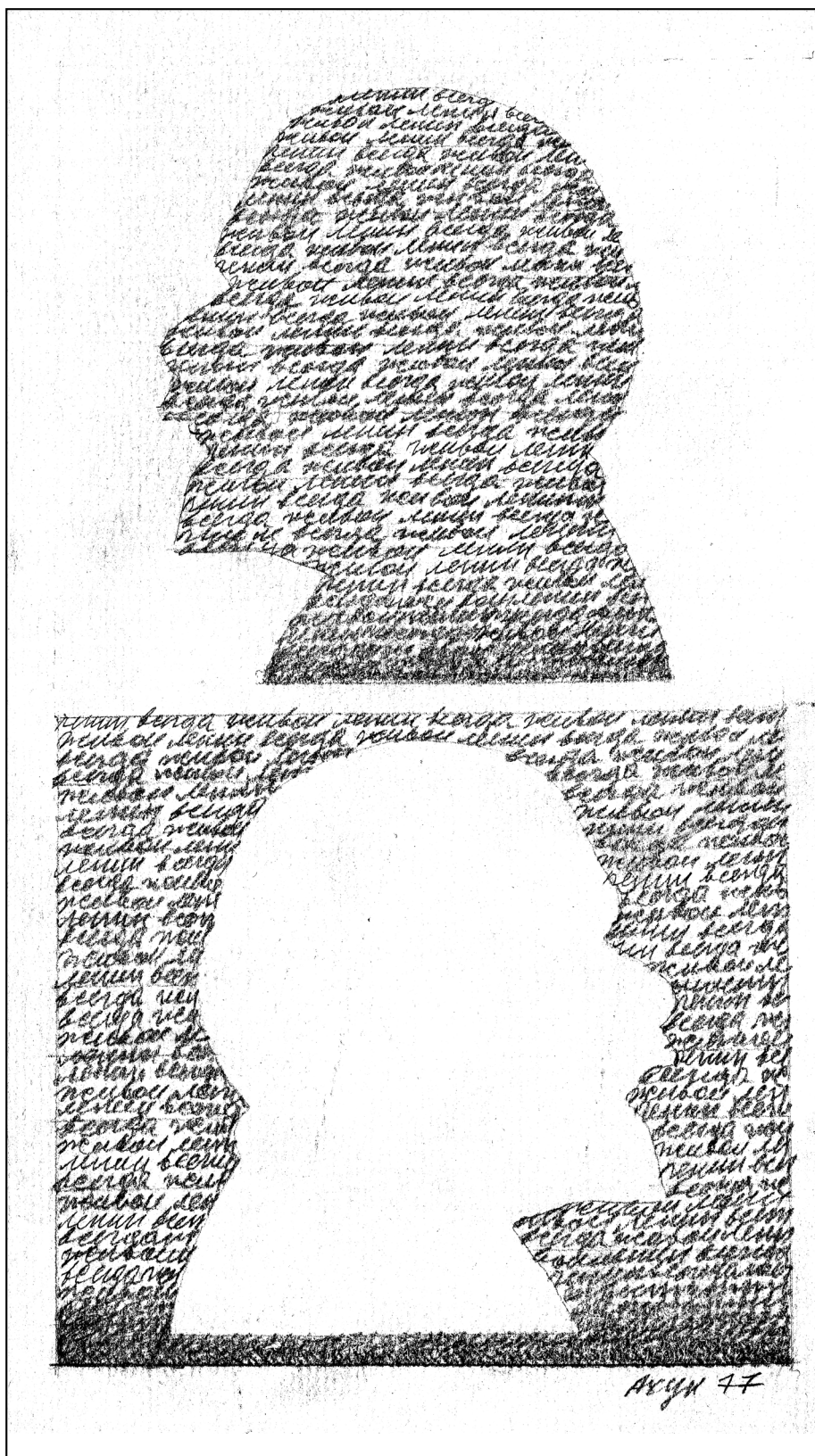
поэт, шевеля сюрреалистическими усами на фоне вывороченных окон в кирпичных стенах унылой фабрики. – Впрочем, мы не до конца опустошены наплывом космополитизма, мечтаем о независимой, идеальной поэзии и, погружаясь в монохромную плотность, создаем комментарии к уже существующим комментариям, тем самым вынося себе приговор. В прошлом творчество Гессе, Селинджера, Малера, Кейджа или теория «идеограмматической поэзии» Эзры Паунда из Айдахо. Они удачно присосались к чужеродной поэтической форме, адаптировав её для своих нужд!

Родом из Калабрии, он прекрасно ориентировался в зарослях американской поэзии: – «Не все созданное однозначно, но высится вершина айсберга, я бы сказал, из наиболее «японизированных», таких, как Олсон, Крили, Гудман, Пэтчен, Эшлиман, Райт, Келли, Роттерберг, вспомните!..»

Ты вспомнил и прочитал из Филиппа Уэйлена:

«Ранняя весна. Собака пишет на окне носом» – Да-да, авангард шестидесятых, – без восторга воскликнул он. – Гэри Снайдер, Сид Кормэн... дети цветов... сладкий дым марихуаны... видно, прекрасное было время!..

Тем временем саксофонист продолжал бугрить щеки, безразлично наблюдая из-под припущенных век за потоками быстрой воды, часто прерываясь и отирая носовым платком потеющий лоб, – должно быть, изнемог, слишком жарко для продувания легких, или нелегкое ученье вдали от злобных выкриков соседей. Надрываясь сиреной, сквозил автомобиль с надписью «СС, Carabinieri», и, отразившись от лобового стекла, солнечный блик было рванулся сквозь приоткрытые двери в засасывающую, скудную прохладу, где износившейся сбруей свисала ссохшаяся кожа поддельного кардинальского штандарта, – дешевый, пупырчатый нимб над рано облысевшей головой владельца пиццерии с красным лицом: обрыгло ему от жары, взгляд обыскивающе, скоропалительно скрежетнул, заставляя вспомнить о процессе скелетирования листьев, и... как испуганный сарт, метнулся спертый дух раздробленного пармезана...» – Все к лучшему... – произнес ты тогда, уже при свете мигающей рекламы «AGIP» и «ANAS» разглядывая пупки обнаженных римских гетер, пройдя под эстакадой в восклицаниях автомобильных клаксонов, – несмолкающей римской симфонии, гимна, посвященного женской обнаженной плоти... Ах, шаловливая виа Фламиния!.. Теперь о ней напоминал след, вдавленный в пыль пола, и небольшой кусочек глины, отвалившийся от ребристой подошвы этих потрепанных итальянских туфель темно-красного цвета с металлическими пластинками на тупых носках. Металл сверкал на матовом фоне кожи, и поэту была видна четко отчеканенная надпись «SAFETY FIRSTU».

Ахунов ВЯЧЕСЛАВ (1948) Ташкент. Из серии «Мантры СССР». Мантра: Ленин вождь живой. Бумага, карандаш. 21,5 X 13 см.

Анаит ТАТЕВОСЯН (Армения)

Анаит Татевосян родилась в Ереване. В 1999 году окончила факультеты общего языкознания и социологии СМИ Свободного гуманитарного университета и факультет журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова. Кандидат филологических наук, преподаватель кафедры русской и мировой литературы Российско-Армянского (Славянского) университета. Печаталась в российских и армянских литературных изданиях. Лауреат ряда литературных конкурсов. Автор стихотворных книг: «Циациан (Радуга)». (На русском и армянском языках.) (1998); «Полет навстречу Солнцу» (2001); «Петербург: признание в любви» (2003); «Игра в города» (2009).

* * *

Бабочки в животе
В горле ком,
В животе змеиным клубком
Копшатся злые зеленые шелкопряды.
Они ненавидят нас, наряды
И слово «надо»:
На деле
Тех, что владели
Ремеслом, раздели, разделали, съели.
Что толку,
Что они рождены летать налегке –
Час в кипятке,
Километр шелка.
Так было и будет.
Под сенью куполов ли, пагод
Всегда найдутся какие-то люди
И лишат холода тутовых ягод.
А эти, скрывшиеся во тьме, избегнувшие сетей,
Они не умеют летать, они не хотят хотеть,
Они должны оставить детей
На смерть.
Они засыпают глаза нам цветною пылью,
Смотри – твое, бери, говори, гори,
Готовься к заклятью,
Стелись драгоценной тканью –
И это их крылья
Трепещут у нас внутри.

МАРЬЮШКА

Металлический вкус разлук:
Острие косы на кончике языка,
Недоска... Тоска и усталость. Стук
Башмаков железных по скалам, скатам.
Нежить.

Соколу тут не выжить.
Он за тридевять, там мягко, тепло и около
Цокают каблучками, лелеют белыми ручками.

У железного посоха красным стало навершие,
Мужество и верность – женские свойства,
наверное.

А герои борются дай бог ночь
И, завидев кровь, улетают прочь,
Так нежны и чувствительны – всем бы им
быть поэтами...

На развилке, как водится, три пути,
Но заплечный мешок еще полон звона, поэтому
Неважно куда идти.

ЗАРИСОВКА

Осень набрасывает сусальный
С просинью полог на мир насельный,
Ветер насвистывает свой сольный
Альбом о стремленье остановиться.

Становится тише на стаю птиц и
Тусклеют глаза, выцветают лица,
А смерть пахнет яблоком и корицей,
Жженою листвою, медом можжевельным.

На току зерно, виноград в давяльне,
Трижды ударяя по наковальне,
Цепи укрепляет кузнец довольный.
Зло остается сильным.

ЗОРНЫЕ СУМЕРКИ

Когда уступает осени ясень,
Которому змей подгрызает корни,
Олени его объедают крону,
А гниль пожирает крепость ствола,
И мир никогда не будет прежним.

Когда ни состав, ни исход не ясен,
Но люди решительны и упорны,
А впрочем, в итоге яйцо уронит
Мышка хвостиком со стола,
И мир никогда не будет прежним.

Когда горизонт грозовеет красен,
И волк стережет на дороге торной,
И каркают радостные вороны,
И в душу уже заползает мгла,
Лишь только тогда начинает брезжить
Солнце надежды.

* * *

Часы врут. Сны. Все время кто-то врет.
Нас предсказал растяпа-звездочет.
У нас с тобой есть дом и в доме кот.
Вне дома все туман и вечный бой.
Кот говорит, что горд своей судьбой –
Ведь у него есть дом и мы с тобой.

Кто там? Кто тут? Кто виноват? Где вход?
У нас с тобой есть дом и в доме кот,
И полон дом приятнейших хлопот.
Ну что за дым, забота, маета?..
Вся жизнь – в тени бумажного листа.
А звездочет предсказывал кота.

У нас с тобой есть дом и в доме кот.
Но все то век не тот, то мир не тот,
У мироздания плавающий ход,
И серы зданья в городе не том...
Не то издание, переплет и том.
Нас вообще придумали потом.

* * *

А начинается всегда в тишине и безветрии,
 Со «все будет хорошо»,
 И «мы не умрем», и «ты навсегда со мной».
 Начинается всегда с неевклидовой геометрии:
 Параллельные пересекаются и еще
 Бесконечность вычерчиваются одной.

Земля человечья топорщится: судьбе назло, против неба
 Растут холодные, колючие хрустальные башни.
 Их не свалить ни смерчами, ни приливами,
 Ни чужой болью, ни мольбой о хлебе.
 В них живут люди, которым страшно
 Быть счастливыми.

Творческая встреча Евгении Коробковой с группой Молот О.К. прошла в Доме Писателей Грузии.

Евгения КОРОБКОВА (Россия)

Евгения Коробкова – литературный критик, поэт, журналист. Родилась в Челябинской области. Окончила архитектурно-строительный факультет Южно-Уральского государственного университета, факультет журналистики Челябинского государственного университета, Литературный институт им. Горького. Кандидат филологических наук (диссертация посвящена творчеству поэта Ксении Некрасовой). Лауреат международного Волошинского фестиваля в номинации «литературная критика» (2011). Переводчик поэзии с английского и польского языков. Публикации в журналах «Знамя», «Октябрь», «Русский репортер», «Арион»; в газетах «Вечерняя Москва», «Новые известия», «Челябинский рабочий». В 2011 г. вышли ее переводы «Песен невинности и опыта» Уильяма Блейка.

«Я В ЛЕС, ЗА ЗЕМЛЯНИКОЙ СОБИРАЛАСЬ»

ММК*

Мы, на планете обитая,
 Привыкли думать, что планета
 Все получает из Китая,
 Из сои и из Интернета!
 А вот и нет,
 а вот и нет,
 Не соя и не Интернет,
 Магнитогорск китайцев круче.
 Я видел сам, наверняка,
 Из труб завода ММК
 В мир поступают облака
 И тучи!

*Магнитогорский металлургический комбинат

ТВЕРСКАЯ

В этой жизни надо как-то жить
 В этой жизни надо как-то смерть.
 И куда ни выберешь смотреть –
 всюду виновато государство.
 Ходят крысы утром по Тверской
 ходят люди мучаясь тоской

ходят тетки с надписью такой:
 “Помогите сыну на лекарство”.
 У стены макдональдса стоит
 Улыбаясь, модный инвалид
 У него обрубок от ноги
 В левом ухе у него сережка.
 У него написано вот так:
 “Помогите
 на
 бигмак”
 Все читают, замедляют шаг
 И дают немножко.
 Вот слепая девочка поет
 Только ей никто не подает
 Выбирает на Тверской народ
 ей не буду, инвалиду – буду.
 Потому что, если не фигня:
 Из бигмака вырастет ступня.
 Вот сейчас, посередине дня.
 Будет чудо.

ПЕНСИЯ

Старушка стащила творожный сырок,
 Она получила хороший урок,

Старушку за это постыдное дело
 Прилюдно ругала начальник
 отдела.

Господи, нет.
 Я засуну наушники стерео,
 Я выбегу,
 Я включу громкую песню.
 Господи,
 Я хочу стареть, как дерево,
 Чтобы
 не выходить на пенсию.

ГОЛУБИ

Что мне сократ, что мне платон
 что мне ньютон и протоны
 куплю я вечером батон
 (пусть голубей стошнит батоном).
 Не знаю я, как жить не зря,
 что в этом мире добродетель.
 Крошу батон, прохожих зля,
 но доставляя радость детям.
 Ну и, наверно, голубей
 я тоже радую,
 Быть может –
 крошить им – вовсе не глупей,
 чем в офисе бумажки множить,
 играть с компьютером в лото,
 лепить на батареею жвачку..
 Пусть лучше осень рвет пальто,
 как обезумевший Башмачкин.

ПОЭЗИЯ

Это Игорь Владимирович Вишев,
 слепой старик.
 Катающийся на лыжах
 в парке Гагарина.
 Чтобы зрячая жена
 не отстала и не потерялась, –
 Он привязывает к затылку
 фонарик.

МАДОННА

Торфяники горели под Москвой
 Уже которую неделю.
 И в Яндексe висела
 фраза дня:
 “Была жара, леса горели, нудно”
 А в воздухе густом висела гарь,
 и что-то страшное еще помимо
 гари.

И город опустел,
 но под землей,
 в дыму
 отчаянно
 и по-ходынски
 толпились полчища людские
 и
 безобразные калеки
 среди них,
 Надетые на палки, как торшеры,
 трясли табличками,
 обрубками махали

и громко проклинали все и вся.
 И было бы страшнее к ним спускаться,
 И мне, и людям у билетной кассы.
 На Баррикадной,
 если б не она...
 Огромные, печальные глаза,
 И как свеча оплывшее лицо.
 На бейджике написано "Мадонна".
 Менгрелка,
 Да, наверное, менгрелка.
 Но не казалось никому забавным
 Увидеть это имя здесь, в метро.
 В окне билетной кассы, как в иконе.
 И каждый, кто в толпе стоял, подумал
 о том, что для того она спустилась,
 Чтобы у входа в ад дарить надежду.
 Но мне пришли на ум из старой книжки
 стихи:
 "Чтобы сироты шли не плача
 в ту душегубку палача".

СТРАШНЫЙ СОН

А я не собиралась умирать
 а я не собиралась умирать
 Я в лес за земляникой собиралась.
 – Надень ушанку, – кто-то говорит
 чтоб не схватить отит на оба уха.
 – Надень ушанку, – кто-то говорит, –
 Не то схлопочешь страшный гайморит.
 – Надень ушанку, – кто-то говорит, –
 у нас же не понос, так золотуха.
 А я не собиралась умирать,
 Я в лес пришла, но там стояла осень
 Я вместе с ней осталась постоять,
 надела шапку, как велела мать,
 Но мне и в шапке было сорок восемь.

О ЛЮБВИ

Над этим можно прослезиться,
 Судьба живущих нелегка:
 Вороне не нужна лисица,
 Но их связали на века!
 Я как решетку раздвигаю строчки.
 И мысль догнать не может, хоть и силится,
 Как я проникла сквозь штрихи и строчки
 Туда, где побежит моя лисица.
 Есть у меня лишь миг, ползу по дереву,
 Сидит ворона, хлопает ресницами,
 Я не боюсь свободного падения,
 Боюсь, что не увижу я лисицу.
 "Ворона, – говорю, – подвинься, детка,
 Что ты расселась, будто бы царица?
 Я тоже посижу на этой ветке,

Мы будем вместе ждать мою лисицу.
 Ворона, ешь свой сыр, да поживее,
 В моем мешке сто плавленых томится,
 Их сброшу для лисицы, пусть жиреет,
 Мне ничего не жалко для лисицы".
 В мой зад впились иголки старой ели,
 От боли на зубах скрипит силициум.
 Вороне хорошо, там пух и перья...
 Но я терплю, все от любви к лисице.
 И как хочу работать я вороною,
 Чтоб сыр кидать, но не кричать милицию,
 Считать, что мы – как Петр и Феврония,
 Но только в образе Вороны и Лисицы.

ПРОСЬБА

Дождь, как старая пластинка,
 Так шипит, что слов не слышно.
 Липнут листья на ботинки,
 На афишах мокнет Пъеха.
 Люди прыгают неловко
 Через лужи, как по крышам.
 Я стою на остановке,
 Жду трамвай до теплотеха.
 Этот день еще не прожит.
 Воду пьют из луж окурки.
 Что случится мигом позже –
 правда –
 я совсем не знаю.
 Я прошу, хоть слов не слышно:
 "Здесь, внизу я, в белой куртке,
 Разреши не знать о лишнем,
 Дай мне просто ждать трамвая!"

ДЗЕН

В коробке пластилина
 лежала красота:
 послушные брусочки,
 все радуги цвета.
 Мне подарили, ибо
 мне исполнялось пять.
 И я сказал "спасибо"
 и начал вылеплять.
 Я вылепить хотел
 зверушек, будто в сказке,
 Но только ничего я вылепить не смог,
 и я тогда схватил
 лепешки и колбаски
 и все скатал в один коричневым комок.
 Был папа очень сильно удивлен.
 Он маме в кухню крикнул: "Маша, глянь!
 Был абсолютно новый пластилин,
 А получилась редкостная дрянь!"

© Периодическое издание «Ассоциации
 литераторов – АБГ» и лито «МОЛОТ О.К.»
 (Тбилиси, Грузия) <http://abg-molotok.ge>
 Эл. почта: abgl@yandex.ru

<https://www.facebook.com/abg.molotok>

Издаётся на средства редколлегии

Редакционная коллегия:

Сусанна Армянян,
 Ада Джилаварова,
 Анна Шахназарова,
 Николай Ломидзе,
 Дмитрий Лоскутов,
 Михаил Ляшенко.

*Рукописи
 не горят,
 не возвращаются и не
 комментируются.
 При перепечатке
 материала ссылка
 на данное издание
 обязательна.*

Мнение публикуемых авторов может не совпадать с точкой зрения редколлегии.